

**Надежда
РОМАНЕНКО**

**Мы родом
из детства
военного
детства...**

Детям и Южкам
мои поздравы.

Александр
09.01.03.

Надежда
РОМАНЕНКО

***Мы родом
из детства,
военного
детства...***

ВОСПОМИНАНИЯ
ОЧЕВИДЦЕВ

Камышин
2003

*Никуда от этого не деться.
Память в сердце — что тропа во ржи.
И чем дальше дивный берег — детство,
Тем упорней просит: «Расскажи».*

А. Тарасова.

КАК РОЖДАЛАСЬ ЭТА КНИГА

В средней школе № 3 имени Г. С. Титова г. Камышина тридцать шесть лет работает историко-краеведческий музей. Ежегодно классные коллективы и их руководители получают поисковые задания. Иногда они выполняются в том же учебном году, чаще над ними работают длительно.

В 1999 году было дано задание «Война и дети...». Цель: собрать воспоминания тех, на кого военное лихолетье обрушилось тогда, когда они были еще детьми, жили в военном Сталинграде или прифронтовом Камышине. Через год мы расширили поиск — стали собирать воспоминания не только о детских годах людей, живших в нашем крае во время войны, но и тех, кто оказался в оккупации, эвакуации, глубококом тылу.

В ходе работы над книгой, читая воспоминания, мы поразились похожести тех бед и трудностей, которые испытывали дети вместе со взрослыми. Дети страдали, приспособившись к испытаниям на выживаемость, которые диктовала им жизнь. Изю всех сил они помогали взрослым, а порой и заменяли их на рабочих местах. «Все для фронта, все для Победы!» — в этот призыв свято верили и, по возможности, следовали ему дети. В то же время дети оставались детьми. И если взрослые спасали прежде всего детей, потом документы, теплые вещи и т. п., то дети несли с собой в убежища куклы, любимые игрушки, семейные фотографии. И именно потому, что они были тогда детьми, воспоминания их, взрослых, не только тяжелые, но и светлые.

Медленно продвигался сбор материалов. Кому-то было трудно вспоминать, кому-то трудно писать, а фотографий военного времени оказалось совсем мало, не до того было... Семейные архивы погибли. Еще одна трудность — не все

хотели давать современные фотографии (время и невзгоды отпечатались на лицах). А более молодых и «красивых» просто не было.

Наконец-то мы пришли к завершению работы. «Мы родом из детства, военного детства...» — название книги. Многие удивятся: «Все из детства!» Да, но военное — оно особое детство.

Идея сбора воспоминаний о детстве, опаленном войной, не нова. У нас она появилась в связи с подготовкой к празднованию юбилея Сталинградской битвы и после прочтения ряда книг-воспоминаний. Например, «Осколки в сердце». Она была издана в Волгограде и подарена музеем Л. П. Хлыниной. Из Минска моей сестрой Н. М. Петропавловской была прислана книга «И этой недетской печали нам хватит на тысячу лет» — о детях блокадного Ленинграда.

Мы очень надеемся, что воспоминания камышан, детьми, переживших войну в разных уголках нашей Родины, помогут работникам народного образования нашего города в осуществлении патриотического и нравственного воспитания. Авторам воспоминаний нелегко было вспоминать голод,

Составитель этого сборника Надежда Федоровна Романенко в историко-краеведческом музее средней школы № 3.

трудности, жестокость фашистов, гибель близких друзей. Но они вспоминали и писали, т. к. надеялись, что это надо знать подрастающему поколению, чтобы они любили жизнь, дорожили ею, научились преодолевать трудности.

Выражаю глубокую благодарность Комитету по образованию администрации г. Камышина и лично его председателю Подхватилину Владимиру Сергеевичу, который в самом начале работы одобрил идею, сказав: «Это полезно будет издать». Без его моральной и материальной поддержки книга не могла бы увидеть свет.

Спасибо председателю общественной организации «Дети военного Сталинграда» Хлыниной Людмиле Павловне за предоставленные воспоминания и фотографии.

Благодарим коллектив МУП «Камышинская типография» и его руководителя Сугоняева Ивана Семеновича, редактора Аксенова Виктора Федоровича.

Низкий всем поклон, отличного здоровья, взаимопонимания, удачи, благополучия.

Н. РОМАНЕНКО.

**Романенко
Надежда Федоровна,
ветеран труда,
бывший директор
средней школы № 3,
директор
школьного музея.**

БЫЛА ВОЙНА...

Моим ровесникам и детям

«Детство мое, постой, погоди, не спеши. Дай мне ответ простой, что там впереди...». Так поется в детской песенке. С годами все происходит наоборот. «Что там впереди», мы, взрослые, уже знаем, и возникают светлые воспоминания детства. Ведь были не только бомбежки, голод, лишения. Были и небольшие радости, которые мы подчас устраивали сами себе. И так, прожита большая жизнь. Хорошо ли, плохо ли, но она наша. И вдруг убеждаешься, что детство не прошло бесследно, что уже тогда мы формировались как личности, как люди. Под влиянием любых обстоятельств, порой от нас не зависящих, мы становились такими, какие есть. Трудное военное детство не сделало старшее поколение унылым. Стоит посмотреть на ветеранов: они жизнелюбивы, оптимистичны, не жалуется даже на здоровье. Хотя его, увы, мало. Трудятся, стараются быть полезными, помогают детям и внукам. Детство пожилым полезно вспоминать. Воспоминания помогают сохранять оптимизм и понимать молодых.

Начало

Когда началась война, мне было двенадцать лет. Это было накануне моего дня рождения, я находилась в Одессе в детском санатории. Жили мы тогда в городе Запорожье, но я была счастлива, что меня привезли в город, где родилась и

где жили раньше мои родители. Я мечтала поближе познакомиться с этим городом.

Мы, дети, о начале войны узнали не сразу, три дня от нас это скрывали. Появилось в жизни много непонятного: озабоченный персонал санатория, военные, которые ставили орудия на высоком берегу моря. Нас почему-то будили ночью и уводили в другие санатории, подальше от берега. Объясняли, что это военные учения. Родители уже не могли за нами приехать. Детей грузили в эшелоны. Мы шли парами на перрон. Вдруг меня кто-то схватил за руку. Это был мой папа. Он все же добрался до Одессы. Взрослых в вагоны не пускали. Пассажирские

вагоны были предназначены только для детей. Мы с папой забрались в пульман для угля. Поезд тронулся, дышать было нечем, солнце в зените, жара и угольная пыль, вагон без крыши и битком набит взрослыми и детьми. А все же мы едем, и все дальше от войны, от беды. Одессу уже бомбят.

Сквозь мерное постукивание колес вдруг слышим рокот самолета. Многим этот звук знаком, и они в ужасе. Приближается фашистский самолет. Мы ложимся в угольную пыль вниз лицом. Папа меня прикрывает собой. Я все же выглядываю и вижу низко-низко летящий над нами самолет. Летчик что-то высматривает. Но когда мы, жалкие, чумазые, падаем ниц, ему становится смешно, и он хохочет. Это повторяется несколько раз. Страшно, обидно, унижительно, но так хочется жить. Одна мысль: только бы не перестрелял! Видимо, не нас он высматривал, а военных. Полетав над нами

За два дня до начала войны. В детском санатории в Одессе я (слева) со своей подружкой Тоней.

взад-вперед, он убрался восвояси.

Когда стемнело, машинист остановил поезд. Нас, детей, поднимали взрослые к высоким бортам вагона, а внизу другие ловили. Даже к кустикам мы боялись отбежать, все происходило у колес. А воду буквально лакали, лежа на животе, из придорожной канавы. Машинист не подавал гудок, а лишь слегка тронет состав и остановит, да так, чтобы не было шума. Самолет всех изрядно напугал. Мы спешили в свой спасительный вагон, а машинист следил, чтобы никто не остался. Ночью было спокойнее, да и дальше от войны.

В Запорожье блаженство. Отмылись, наелись, и уже казалось, что все хорошо. Но в тот же день пришлось прятаться в щели. Бомбили высоковольтную линию электропередач, которая шла от Днепрогэса очень близко к нашим домам. Взрывы, электрические разряды, громы и молнии не в небе, а на земле. Когда все кончилось, и мы вылезли из щели, в огромном шестиэтажном доме не было ни одного стекла. Как-то это не очень нас огорчило, ведь все остались живы. А стекла? Еще было лето, да и не до них!

Через три дня была эвакуация на Северный Кавказ. С собой взяли то, что можно было унести в одной руке и в мешочках за плечами, сшитыми наспех. Второй рукой я крепко держалась за мамину руку. Так велел папа. Он сказал маме: «Береги ребенка. Вы скоро вернетесь. Вещей не бери».

Эшелон привез нас в станицу Засовская. Дети пошли в школу, мамы работали в колхозе. С приближением фронта к эвакуированным стали относиться недоброжелательно: женщинам давали в колхозе худшие делянки, ограничивали выдачу хлеба.

Особый страх на нас, детей, нагоняли кавказцы, которые уже были при оружии, в черных бурках. Они стояли как монументы вдоль дороги и прислушивались к канонаде.

К счастью, за семьями приехали несколько мужчин. Они оставались в Запорожье, демонтировали и отправляли оборудование завода в Сибирь. Там строили оборонные заводы: алюминиевый и ферросплавов. Мой папа работал главным механиком завода ферросплавов. В числе

других за строительство завода был награжден орденом Красной Звезды.

Дорога в Сибирь

Добирались до Сибири (в город Старокузнецк) почти месяц — с середины октября до середины ноября в неотопливаемых теплушках, почти раздетые (много унести не смогли, да и собирались скоро вернуться).

Предполагая дальнюю дорогу, родители успели на рынке выменять на вещи сало и мед и были уверены, что в дороге не умрем с голоду. Но мы страшно голодали. Ведь не было хлеба и очень мало воды — сало и мед казались отвратительными.

Положенных остановок не было, поезд — товарняк. Иногда где-то в тупике стояли долго-долго, а отлучиться было нельзя. Неясно, когда сортировочная даст команду ехать.

Однажды мы с папой отважились отойти от поезда. И вдруг поезд тронулся. Мы побежали следом. Папа успел вскочить на последнюю площадку. Требовал, чтобы я бросила сетку с миской, в которой была кислая капуста. Тогда, протянув папе обе руки, я взобралась бы на ступеньки. Мне было жаль капусты. Папа спустился на нижнюю ступеньку, крикнул, чтобы я дала ему руку, ухватил ее. Я немного повисела на руке и была подтянута на ступеньку. Села, поревела от страха и боли. Папа подтянул меня на площадку. Рука еще долго болела, особенно плечо. В вагоне рыдала наша одинокая мама. В войну было так легко потерять и не найти близких. У нее еще теплилась надежда, но поезд все не останавливался. Мы три часа мерзли на площадке. Состав шел через Казахстан, там перегоны большие. Зато потом сало можно было есть с капустой. Плохо было с водой. Набирали снег, но он в холодном вагоне не таял. Папа мял его в руках, и в кружечку капала водичка.

Дорога была очень долгой, голодной и холодной, но я не помню, чтобы люди ссорились из-за лучшего, более теплого места в вагоне. Больше говорили только по делу или обреченно молчали. А еще жадно ловили сведения о делах на фронте. На стоянках расспрашивали случайных прохожих.

Произошел в вагоне и трагический случай. Рядом с две-

рю сидела молодая мама с ребенком. Она его кормила, укачивала, прижимала к себе. Он жалобно плакал.

Однажды мы утром увидели, что мама, опустив руки, спит, а ребенок лежит на полу. Ее стали будить и ругать. Она призналась, что ребенок умер. Плакала и просила, чтобы не выбрасывали, она трупик заморозит и, приехав, похоронит в землю. Потеснившись, ей освободили место подальше от холодной двери, но она осталась рядом со своим детенышем.

Беженцы

Главное, что запомнилось, доброта людей и как был организован прием беженцев. В вечер приезда нам дали адрес, где можно переночевать. Выстояв большую очередь, искупались в бане. Через день папе на заводе выдали ватные телогрейки и стеганые штаны на всю семью. Мама на какие-то вещи выменяла на рынке мне старенькие пимишки, так в Сибири ласково называют валенки. Хозяйка дала головной платочек. Меня снарядили в школу.

Но в школу я пошла не сразу — очень тяжело заболела. Так как мы спали на полу в проходной комнате, а у хозяев было трое детей и они могли заразиться, моим родителям пришлось срочно искать другую комнату. Нашли крошечную. Усердно топили, но к утру в ведре замерзала вода. Зато в подполье был целый клад — мелкая, наполовину гнилая, замерзшая картошка. Папа предложил хозяйке ее вынуть для коровы или свиньи, но она сказала, что скотина ее есть не будет. Лепешки из нее ели мы, пекли их на чугунной плите.

Многие жители Старокузнецка были из числа раскулаченных и выселенных с Украины. Наши беды были им близки. Хозяйка, много пережившая и воспитавшая одна трех дочерей, хорошо к нам относилась. Моего папу она попросила слезать на чердак, где накопилось много дырявых кухонных вещей. Надо было выбрать то, что можно было починить. Он все сделал, запаял дырки, приварил к чайнику носик, к кастрюлькам ручки. Несколько предметов хозяйка отдала нам. Радость была большая, так как до этого «посудой» служили нам консервные банки от американской помощи. Они

были разные и красивые. Приходилось только долго-долго спиливать бортик напильником, крышечка вынималась, и край банки оказывался ровным. Вот и кружка, и солонка, а с пробитыми гвоздем дырочками — терка для картошки.

Строился поселок ФАС (ферроалюминиевое строительство). Дома были двухэтажные, такие, как на улице Краностроителей в нашем городе. Было отопление, а все остальное во дворе. Нам дали двухкомнатную квартиру. Вторая комната в квартире нам была не нужна, и мы ее отдали другой семье с малыми детьми. В нашей комнате стояли топчан (деревянный щит на крестообразных ножках), солдатская кровать и позже добавились три табуретки.

Альма

Все бы хорошо, но нас мучили крысы. Раньше на месте домов поселка стояла тюрьма. Ее снесли, а крысы остались и перебрались в дома. Каждую ночь они прогрызали дыры в полу, в плинтусах и обворовывали нас. Дыры мы заполняли битым стеклом, ставили металлические заплатки, но рядом появлялись новые. Коты не помогли, они просто убежали.

Кто-то из рабочих-сибиряков подарил папе собачку. Я была несказанно рада. Всю жизнь люблю животных. Собачка была рыжая, уши торчком, а хвост очень пушистый и не бубликом, а как у настоящей лисы. Ее часто принимали за лису, и я боялась, чтобы не пристрелили по ошибке. Вокруг тайга и много охотников. Собачку я назвала Альмой. Это было дивное существо. Естественно, что я научила ее цирковым фокусам. Она умела «петь», «танцевать», прыгать через препятствия. Она охраняла дом и меня. Мы ее очень любили, и не только за ту радость, которую она нам доставляла в часы досуга. У Альмы была главная заслуга — избавила нас от крыс. Она была настоящим охотником. Терпеливо поджидала крысу, пока та выгрызала дырку, потом слышалась возня и писк крысы.

Однажды утром проснулась, перед кроватью сидела Альма. Я ее позвала, но она не бросилась ко мне, как обычно, а с важным и гордым видом продолжала сидеть. Спустив ноги с кровати и надеясь попасть в тапочки, я попала ногой во что-то

скользкое и мерзкое. На тапочках лежали обезглавленные крысы. На мой крик прибежали родители, и папа мне и маме объяснил, что Альму ни в коем случае ругать нельзя — она настоящая охотничья собака. Каждое утро я находила подобные трофеи у своей кровати, но тапочки теперь прятала под матрац. Вскоре крыс не стало, они не кончились, а просто ушли. Альма продолжала охотиться во дворе и в сараях.

Школа

В шестой класс я попала только во втором полугодии. Сидели за партами по трое, в одежде. Писать было нечем и не на чем. Иногда из старых газет и каких-то бланков шили тетради. Единственную ручку каждый очень берег. Для чернил соскребали сажу в печке и разводили ее водой. Местные ребята с нами делились, чем могли — старыми книгами для тетрадок, сушеной тертой морковью, свеклой. С большим удовольствием передавали «изо рта в рот» кусочки овсяного жмыха. Он крепкий, как камень. Местные жители его использовали на корм скоту. Грызть его было нельзя, но сосать можно. Несколько кусочков хватало на весь класс и на все уроки.

Учителя

Многие были из местных, работали постоянно. Многие были из числа эвакуированных, они часто менялись. Запомнились двое: учительницы литературы и биологии.

В класс медленно входила сибирячка. Одета была тепло, но без пальто. Статная, красивая, на голове короной уложены две косы. На голову и плечи наброшен роскошный белый пуховый платок. Мы, «серенькие воробышки», смотрели во все глаза, затихали, замирали, кусочки жмыха выкладывали на парту. Разрешалось не вставать — сидели тесно и даже в проходах. На приветствие кивали головами. Все ждали чуда. Рассказ начинался медленно, былинно, сказочно.

Вторая учительница из эвакуированных. На лице печаль. Она недавно получила похоронку на сына. Одета в пальто и платок — мерзнет. Вся сжата в комочек. Занимает первую парту, садится на крышку, ноги ставит на скамейку. Так она

видит всех и так теплее. Говорит медленно и тихо, потом оживляется, потому что любит свой предмет. Рассказывает о происхождении и развитии жизни на Земле, да так образно, так увлеченно! Нет ни таблиц, ни книг, нет ничего, только ее речь, порозовевшее лицо, горящие глаза и руки, которые она уже не греет в рукавах пальто. Руками она рисует в воздухе облик и размеры чудовищ, живших на Земле давным-давно.

Помню, на экзамене по зоологии я отвечала на этот же вопрос подробно и вдохновенно. Меня хотели прервать — было ясно, что знаю. Учительница попросила дослушать меня, на глазах у нее были слезы. До сих пор люблю материал об эволюции.

Еще две учительницы остались в моей памяти, но о них дальше.

Колхоз

Летом 1942 года я окончила шестой класс. Нас собрали в школе, выстроили на линейку и объявили, что надо помогать колхозам. На следующий день мы сдали свои продовольственные карточки, нас погрузили на телеги и увезли. Где мы будем работать, никто не знал, даже родители. Ехали день и ночь, довольно далеко. Горы, тайга — все было очень красиво. Выгрузились в деревне возле амбара. В амбаре вдоль стен были нары, а на них и на полу много соломы.

Установили нам нормы работы и нормы пайка. Работать надо было наравне со взрослыми колхозницами — вязать снопы. Мы были хлипкими и плохо одетыми. Вскоре одежда вся оборвалась, особенно у нас, детей беженцев. У меня, например, остались ватник, майка, юбочка и калоши. У других не больше. Было еще тепло, и снопы вязали в одних трусах. Вскоре ступни, колени, животы и руки покрылись жесткой коркой, и уже не было так больно от прикосновения соломы.

Хуже было с едой. Каждому полагалось в день по пятьсот граммов хлеба, пол-литра молока и картошка. Картошки явно не хватало. Председатель считал нас дармоедами и ничего не добавлял. Считал, что нас ему навязали, не замечал нашего усердия в работе. Сердобольные крестьянки подбрасыва-

ли к нашему порогу пучки луковых стрелок. Им мы были рады. Мы очень старались и норму выполняли. Если кто-то, приболев, не выходил на работу, нам недодавали порцию хлеба и молока. Мы сочувствовали и делились с товарищами.

Вспоминая работу, сейчас понимаю, как мы были законопослушны и бесправны. Всем правил председатель колхоза. Пожаловаться было некому, убежать нельзя — мы не знали даже, в какую сторону бежать. Да и продовольственные карточки у нас отобрали, а как их вернуть, если сбежишь. Свою полезность, в которую мы верили, пытались доказывать делом — трудились иногда до захода солнца, чтобы выполнить норму.

И снова нам досаждали крысы. Они бегали по укрытым одеялами с головой спящим. Если мыло или горбушку хлеба кто-то прятал под подушку, когда мы засыпали, крысы делали «подкоп», и спрятанное исчезало. Была большая кастрюля, в нее клали остатки на завтра, накрывали крышкой, которую загружали камнями. Крысы безуспешно, но все же пытались одолеть и эту «крепость», при этом визгом выражали свое недовольство.

Руководили нами две молодые учительницы. Они заботились о нас, готовили нам еду, неоднократно просили председателя добавить нам картошки. О мясе и жирах речи даже не шло. Ясно, что этот бездушный руководитель отказывал и неоднократно. Бедные учительницы долго советовались и приняли непедагогичное решение, о чем побеседовали и с нами. Как бы каясь, предложили картошку воровать. По нашему мнению, это выглядело справедливо. Мы работали много и всегда хотели есть. Ночью учительницы нас будили по четыре-пять человек. Мы отправлялись на картофельное поле, боясь темноты и волков. Подрывали кусты и добывали по три-пять картошин из-под каждого куста. Потом следы своей «деятельности» заматали. Учительницы ждали нас за околицей, дрожа от холода и страха.

Позже появились дикий чеснок и грибы. Колхозники стали косить сено. Мы поднимали пласт сена, когда он чуть привянет, и собирали уже скошенную лесную клубнику. Она крупнее земляники, с зелеными бочками. За обеденный перерыв

каждый успевал набрать полмиски. Заливали остатками молока, и то-то было радости!

О грибах мы знали мало. До войны было детское лото о грибах и других растениях. Это лото я очень любила, картинки срисовывала, и знания пригодились. Может быть, выбор профессии биолога для меня тоже не случайный.

Вечорки

Пятачок, где по вечерам пела и плясала молодежь деревни, был напротив нашего сарая. Мы рассаживались на бревнах и боялись, что и нас утащат в круг, и все увидят, какие мы оборвыши. Местные мальчишки и подростки иногда угощали наших девочек, тех, кто постарше, кедровыми орешками, очень мелкими зелеными яблочками. Мы все делили поровну, поштучно, и поэтому младшие тоже получали свою долю.

Молодежь ловко плясала и пела частушки. Частушки — короткие песенки, порой сочиняемые по ходу танца, с неожиданной концовкой, меня особенно поражали. С тех пор я люблю народный фольклор.

Абажур

Я уже говорила, что обстановка нашей комнаты была крайне убогой. Взгляд останавливался только на баночке с цветочками или просто веточками, которая всегда стояла на столе.

На заводе работникам выдали американскую марлю. Она была редкого плетения, белоснежная и даже шелковистая. Из нескольких слоев мы сшили пару «полотенец». Остальную марлю я выпросила у родителей. На свалках набрала алюминиевой проволоки. Смастерила каркас для абажура. Марлю покрасила в оранжевый цвет таблетками красного стрептоцида. Долго возилась втайне от родителей. Абажур получился как довоенный, со складочками и рюшечками. Забравшись на стол, закрепила его сама. А когда включила свет, готова была плакать от восторга, совсем как до войны. По потолку разбежались «солнышком» тени от складочек, а рюши и оборочки разукрасили стены причудливыми узорами.

Из такой же марли сделала занавески на два окна. Комната

преобразилась. По тем временам это было сказочно красиво. Возвращавшиеся с работы родители испугались: под окнами стояли люди и что-то обсуждали. Все были в восторге, мама радовалась, папа похвалил дочь-рукодельницу, но сказал, что надо все снять — в то время было совестно жить лучше других. Могли подумать, что мы даже абажур, а значит и все остальное привезли с собой. Мама всем объясняла, что это сделала ее дочь, и многие потом тоже попытались украсить свой быт. Позже я добавила к украшению комнаты картинки из журнала. Обрезков стекла на свалке было достаточно, и картинки я поместила под стекло. Возможно, еще из военного времени идет моя страсть к дизайну и прикладному искусству, стремление из ничего сделать что-то красивое.

Конфетка

На рынке мама купила три конфетки в довоенных красивых фантиках. Соседские малыши не знали, что это такое. Я развернула, лизнула свою конфетку и предложила им попробовать. Они лизнули — сладко. Шоколад эти самоделки напоминали очень отдаленно, но все же... Мы их лизали долго-долго, вдруг младший мальчик зарыдал очень горько. Взрослые кинулись к нему. Не могли понять, в чем дело. Раскрыли ротик, думали, что попало стекло или еще что-либо. Его утешали, а он громко плакал. Его просили, чтобы хоть что-то сказал, и, наконец, он сказал одно лишь слово: «Проглотил!». Впервые было ему так сладко, так вкусно, но он не заметил, как нечаянно это чудо проглотил. Конечно, мы поделились с ним, но это было не то, и мальчик еще долго всхлипывал.

Театр

Так все сложилось, что в моем детстве в очень трудное время был замечательный театр. Дело в том, что Московский театр оперетты был эвакуирован в Сталинск (Новокузнецк), а мы жили в двенадцати километрах от него.

Мы собирались группой и, если везло, добирались трамваем. Обрато часто шли пешком. Билеты покупали без труда — они были довольно дешевы. Деньги в то время обесценились,

на них ничего нельзя было купить, кроме пайка по карточкам. На рынке продукты менялись на вещи.

Итак, театр. Он был всегда полон. Там было все как до войны. Валенки в гардеробе полагалось сдавать. Мы несли с собой кто что мог: мамины туфли или тапочки, но переобувались. В театре тепло, много света, сказочно красиво. В эвакуации были ведущие актеры театра. Московского театра оперетты! Репертуар был довольно большой, но мы смотрели спектакли по несколько раз и знали всех актеров и тексты спектаклей наизусть. Часто стояли у служебного входа и с замиранием смотрели, как наши кумиры в валенках, платках при сорокаградусном морозе разбегаются по домам. Получив столько удовольствия, мы иногда опаздывали на трамвай, часто он просто не ходил. И тогда шли двенадцать километров веселой гурьбой домой. Мальчишки пугали нас, подражая волчьему вою. Девочки исполняли полюбившиеся арии. Партнеров среди мальчиков не находилось — они еще не подросли.

Однажды во время такого культпохода любители театра сильно обморозились.

Ностальгия

Как только собирались вместе несколько ребят из Запорожья, о чем бы мы не говорили, обязательно разговор переходил в воспоминания о родном городе. Понятно, вспоминали чудесный парк, главный проспект, дома культуры, школы и тому подобное. Но что удивительно, вспоминали множество мелочей, которые в жизни нам порой досаждали. Например, припоминали колючки на берегах Днепра, которые впивались в ноги, а само растение стелилось по песку как плети арбузов, только в миниатюре. На берегах Волги такие растения тоже есть. Позже я узнала, что имя этому растению якорцы.

Дома на пустырях были огромные заросли колючек-сорняков. О них мы вспоминали даже с любовью. Заросли были серебристыми, потому что листочки у них были зелеными с продольными серебристыми полосками, а колючки — оранжевые

или желтые. Дома мы эти растения ненавидели, а вдалеке вспоминали с удовольствием. Перед местными ребятами даже гордились — у них таких колючек не было. Забавно.

Помню, когда я уже училась в институте и узнала название этого растения, от души смеялась. А имя ему — дурнишник. Вот уж действительно: вдали от родины «и дым отечества нам сладок и приятен».

Горшочек

Много было забавных случаев, которые вряд ли могли произойти в наше время. Однажды, придя домой из школы, я увидела на плите детский горшок. Обычный, зелененький, с ручкой и крышечкой. Моя тетушка радостно меня встретила, а в горшочке уже варилась картошка в мундире. Тетушке не терпелось рассказать о том, как ей повезло. По-видимому, где-то на складе, еще из довоенного времени, задержались детские горшки. В войну в магазинах уже ничего не продавалось, а распределялось по талонам на предприятиях. Тетя моя из Ленинграда и работала инженером-конструктором. Их отделу достались эти посудины. Вначале их получили те, у кого были маленькие дети. Таких оказалось немного. В отделе работали уже довольно солидные люди. Поэтому эти чудесные «кастрюльки» раздали и остальным, бездетным.

Моя тетя убеждала семью, что в чудесном, беленьком внутри горшочке можно кипятить чай, варить. Это совсем не то, что жестянки. Мы не хотели ее огорчать. Первую сваренную картошку все же съели, не выбрасывать же. Но больше горшочек на плиту, а тем более на стол не ставили. Все же каждая вещь имеет свое назначение. А горшочек приехал из эвакуации в Запорожье и дождался рождения моих детей.

Чудо

Рядом с нашим домом остановился состав с эвакуированными из Ленинграда. Мы все, взрослые и дети, побежали встречать прибывших и искать родственников. Было много, очень много детей. Одни с трудом, но шли сами, других несли на руках. Многих из них сибиряки приняли в свои семьи.

Дети были из детских домов. Худые, измученные, с выражением недетской печали на личиках.

Наши соседи, бездетная молодая пара, очень добрые интеллигентные люди, однажды привели домой маленького мальчика лет трех-четырёх. Худенький, слабенький, на маленьком личике огромные серые глаза. Он дичился, прятался в уголок, оживлялся, когда видел еду, готов был есть всегда, но ему давали часто, но маленькими порциями. За время голода желудочек у него очень сократился. Приемные родители души в нем не чаяли, мы, соседи, тоже.

Однажды приемные родители мальчика, весьма встревоженные, пришли к моим маме и папе поделиться и спросить совета. Они считали, что ребенок ведет себя весьма странно. Здоров ли он? Он боится воды и особенно мыла, не хочет умываться и купаться, страшится, например, плиты, вилок, ножей и многих других предметов. Но главная странность — отношение к стеклянному графину. Увидев стоящий на столе графин с водой, он зачарованно затих, замер перед этим чудом, которое ему раньше видеть не приходилось. Графин был обычный, стеклянный, но если смотреть на него глазами маленького мальчика из блокадного Ленинграда — это было невиданное чудо. Солнечный лучик, отражаясь в воде, ослепительно сверкал, мог перемещаться, если дотронуться до графина. От стеклянной стенки при этом отрывались блестящие пузырьки воздуха и лопались у поверхности. Даже ради еды малыш не отрывал глаз от графина. Он ел, а сверкающее чудо стояло напротив. Ложась спать, он требовал, чтобы графин ставили рядом на табуретку. Наверное, он бы с радостью уложил его с собой, как обычно дети укладывают мишку или куклу, но в графине была вода, а мальчик выливать ее не разрешал, ведь она участвовала в чудесах графина. Он тревожно спал, просыпался, охраняя графин, а ночью, при лунном свете, графин показывал ему новые чудеса.

Так продолжалось несколько дней, и эта странность тревожила его родителей. Мои папа и мама успокоили их как могли, убедили, что они усыновили необычного ребенка, и им еще придется пережить немало тревог. Ведь ребенок не

жил в условиях семьи, зато жил в условиях войны.

Дальше все сложилось хорошо благодаря терпению и любви приемных родителей мальчика.

Когда я вижу обычные стеклянные предметы, особенно с водой, ловлю себя на мысли: они действительно красивы. Часто на своих картинах их рисую с букетами полевых цветов или веточками вербы. Вспоминаю этого маленького мальчика с огромными любознательными глазами, увидевшего необыкновенное чудо в обыкновенном стеклянном графине.

Подарок

К нам вдруг явился дядя Витя и поставил на стол что-то завернутое в старый половичок, сказав: «Это маме с дочкой подарок». Оказалось, что это ручная швейная машинка, наша, из Запорожья. А история этого «привета» из родного дома такова.

Папа с дядей Витей пришли в последний раз к нам в квартиру взять в дорогу необходимые вещи. Кстати, до Сибири вещи не доехали, их украли. Завод, с которого отправляли в этот день последнее оборудование в Сибирь, будет взорван, и те восемь человек, которые были оставлены на заводе, поехали вслед за оборудованием строить новый завод. Дядя Витя предлагал отцу кое-что из наших вещей расположить в вагонах между станками. Отец наотрез отказался. Он был возмущен предложением друга семьи. «Завтра взлетит на воздух любимый завод, в город войдут фашисты, будут гибнуть люди, судьба семьи неизвестна, а он предлагает спасти вещи». Отец не ожидал услышать от своего друга такое. И все же дядя Витя настойчиво попросил отдать ему лично хотя бы швейную машинку. С раздражением отец согласился. Машинка была завернута в половичок и уехала в Сибирь.

О дяде Вите следует рассказать особо. Могучий, добрый, хулиганистый подросток был взят моим отцом на завод учеником. Много он с ним помаялся, наставляя и уча ремеслу. Дядя Витя привязался к нашей семье, своей у него не было. Он пытался играть со мной в мальчишечьи игры, например, в футбол, мы что-то разбивали, ломали, когда дядя Витя бил

по мячу. Он шумно возился с моей собакой, мог сорвать для меня цветы с клумбы. Шумный, необузданный взрослый мальчишка. Всю войну и после с отцом они были большими друзьями. Дядя Витя потом стал уважаемым Виктором Ивановичем Сабининым.

Подарок. И какой! В ящичке машинки оказались ножницы, нитки и иголки. Этими предметами мы пользуемся постоянно, не замечая их. А в войну ногти обрезали самодельным ножиком. Нечем было пришить пуговицу или заплатку. Я, радуясь, прыгала на одной ножке, мама плакала. Дядя Витя был счастлив, что сделал такое доброе дело.

Машинка служила долго-долго. С нею обращались бережно и мы, и соседи, которые приходили что-нибудь сшить. Было лишь одно условие: нитки приносить свои. Они были в большом дефиците. Их для штопки и других мелких работ добывали, распуская старые чулки, носки или выдергивая из тряпочек. Кстати, ножницы, уже тупые и совсем черные, не работают, но «живут» в моей семье по сей день.

Работа

В восьмом классе я пошла работать. В то время так поступали многие. Мои родители, конечно, возражали. Они вполне могли меня прокормить. У нас уже был огород, растили поросенка, все хозяйственные заботы лежали на мне: уход за огородом, сбор травы, которую запаривали поросенку, и так далее. Но в то время считалось, что надо идти работать. Многие мальчишки-сверстники уже стояли у станков, они как-то с неуважением говорили о нас, кто учился все еще в «детской» школе. А с другой стороны действительно не хватало рабочих рук, и мы, подростки, понимали, что вполне могли заменить взрослых на некоторых работах.

Так я стала мотористом водонасосной станции. Громко сказано. «Станция» была будкой с большой емкостью для воды над нею. А насос был один. В положенных местах я должна была его смазывать, включать, наполнять бак. Водовозы приезжали на телегах и машинах. В редкие минуты затишья я готовила уроки, так как училась в школе рабочей

**Работаю мотористом
водонасосной станции.**

молодежи. Насос очень шумел, было холодно.

Все бы ничего, но я очень боялась мужиков, приезжавших за водой. Они громко ругались, не стесняясь в выражениях. Они не знали, что вместо мужчины теперь работает девчонка. Я не показывалась из будки. Однажды поспешила открыть вентиль, а может быть возчик дал команду «открывай» преждевременно. Вдруг послышалась ругань, угрозы «намылить морду» и требование «безрукому дурню» выйти. Оказывается, я окатила на морозе водой лошадь и самого

возчика. Было от чего рассвирепеть. Я заплакала, но вышла. Перепуганная, в ватнике и таких же штанах, в платке, который был повязан как на взрослой женщине. Очень хотелось казаться взрослой. Когда появилась, все стали смеяться. Наверное, я выглядела комично, тем более, что они ждали появления мужика, на котором сорвали бы злость и всласть поругали бы. Меня они пожалели, и с тех пор кричали: «Открывай, дочка, только помалу!» Иногда угощали кедровыми орешками, морковкой. Это было очень трогательно. В семью же я принесла рабочую карточку, а это уже 800 граммов хлеба, а не 400, как у иждивенцев. Но главное: работала, старалась и была полезной.

Я и мои сверстники, у которых тоже рано кончилось детство, гордились тем, что работали и учились. Надо сказать, что к нам старшие относились с уважением.

Вероятно, все же не стоит говорить, что детство кончилось. Просто его стало меньше. Мы по-прежнему в выходные дни летом бегали на речку Томь загорать. Купаться не решались — течение очень быстрое, оно несло большие камни.

Вода ледяная и мутная. Весной мы зачарованные стояли на дрожащем мосту. Был ледоход. Шли огромные льдины, разбивались об опоры моста. Жутко и интересно, как разлетится самая большая льдина. Леса были рядом, устраивали походы, жгли костры. На горе стояли развалины старой крепости. Много раз мы ее обследовали, пытались найти какие-нибудь следы событий, происходивших давным-давно. Фантазировали на темы истории, которую тогда знали, увы, очень слабо. В душе мы оставались еще детьми, и потому дорожили нашими выходными днями.

Возвращение

Сибирь, приютившую нас в трудное время, мы полюбили, подружился с ее людьми. И завод, который в короткие сроки был построен и работал для фронта, отцу был дорог. До сих пор в нашей семье хранится кусок «серого камня» — ферросилиция от первой плавки завода. Отлаженное производство было дорого, но в руинах лежал первый завод в Запорожье. Поэтому, когда отцу предложили поехать на восстановление завода, конечно же, он согласился. Выехали всей семьей. И опять теплушка, но настроение совсем другое. В теплушке едут несколько семей. Спим на нарах. Обед готовим на печке-буржуйке.

Встреча с родным городом была печальной. Обгоревшие стены, черные глазницы окон...

Почти сорок лет я живу в Камышине. Люблю этот город, его богатую событиями историю. Но когда ломали дома в бухте — старые, но прочные, красивые, и они смотрели в небо черными глазницами окон, я вспоминала войну. Снос был массовым. Краеведы города пытались защитить историю, память народа, но оказались бессильны. Сейчас на месте домов пустыри и свалки. В Запорожье руины, когда мы приехали, уже успели зарости сорняками. Почему-то среди стен и сорняков на фундаментах одноэтажных домов стояли черные обгоревшие железные кровати.

Мы, ребята, быстро восстановили прежние знакомства: учились вместе до войны, были в эвакуации, жили по со-

седству. Все повзрослели, но нас объединял общий интерес — судьба родного города. И мы его исследовали.

От нашего большого дома остались стены и почему-то лестничные марши. Мы поднимались по лестнице, отыскивали стены своих квартир. В стенах остались гвозди, на которых когда-то что-то висело. Мы были поражены, когда увидели остатки нашей ванной комнаты. Перекрытий осталось немного, а ванна висела на трубах. Обычно развалины разбирали и использовали для частного строительства, но ванну побоялись трогать.

Много печально-удивительного было для нас в городе и его окрестностях. Например, на острове Хортица мы обошли развалины санаториев и домов отдыха. Где-то колонны, ограды, стены напоминали о роскошных корпусах. Все поросло шиповником, сорняками, было увито диким виноградом. Неизменными оставались только огромные валуны в воде да скалистые берега. К нашей великой радости, остался жив могучий многовековой дуб и колодец. Согласно легенде это было место, где запорожцы писали письмо турецкому султану. События, которые изобразил на своей картине И. Е. Репин.

Гордостью нашего города, да и всей страны, был Днепр-ГЭС. Днепр поразил нас тем, что стал мелководен и обнажились каменные пороги. Нас еще интересовало, что стало с парком на правом берегу. Новый город, где мы жили, был построен на левом. Раньше ходили пешком на пляж и в парк, на правый берег, по плотине. Высокой, величественной и очень длинной. Теперь в ней было несколько проранов — результаты взрывов. Зияли целые пропасти. Вода сверху ушла. Естественно, что не работали шлюзы, не ходили пароходы. Через прораны были переброшены щиты из досок, по ним мы и перебирались, чтобы посмотреть, что стало с правым берегом. Больше всего поразило состояние деревьев: они выстояли, хотя и были изрядно покалечены. Артобстрелами их словно подстригли. Кроны были снесены все на одну высоту.

Помню, что несмотря на многие огорчения при виде разрушений, нанесенных городу Запорожью войной, настроение все же оставалось приподнятым. Дело в том, что на на-

ших глазах город возрождался — и довольно быстро. А отстроенные дома были лучше, красивее, чем прежде. Например, в 30-е годы строили дома-коробки серого цвета с огромными окнами во всю стену. Хозяйки не знали, чем их занавесить — слишком дорого было покупать столько тюля на занавеси. В восстановленных домах делали нормальные окна, и дома украшали. Каждый дом отличался от других. Например, над последним этажом дом опоясывал оранжевый пояс с белым орнаментом. Аналогично были украшены задние стенки лоджий, балконов в других домах. Появилось несколько высотных домов с башнями и другими архитектурными украшениями в стиле того времени. Было много транспарантов — обращений к жителям. Заработал парк. Непрерывно что-то происходило радующее душу.

Отца мы почти не видели дома: восстанавливался завод. А потом — радость: его наградили орденом Красного Знамени и медалью «За восстановление черной металлургии юга». Вскоре и наш дом был восстановлен.

Город хорошел. Война осталась в воспоминаниях на всю оставшуюся жизнь. У моих ровесников детские воспоминания разные: из тыла, войны, оккупации, эвакуации. Но всех объединяют слова, с которых рассказ начинается: «Была война...».

**Восстановлен был ДнепроГЭС —
гордость Запорожья и всей страны.**

**Гринева
Екатерина Тихоновна,
ветеран труда,
бывшая учительница
средней школы № 3.**

КОМСОМОЛЬСКАЯ ЮНОСТЬ МОЯ...

Стояло солнечное утро, я готовилась к отъезду в Ростов на сессию в пединститут. Шила себе блузку (матроску, это было тогда модно), билет уже был взят. Но почему-то болела душа. Было воскресенье 22 июня. Я глянула в окно и увидела, что во дворе соседи о чем-то взволнованно разговаривали. Вышла во двор и услышала страшное слово «война». Я еще не полагала, что это коснется нас. Выехала в Ростов, но сессия не состоялась, и нас отпустили домой.

Учебный год начался не во всех школах, так как в одних расположились госпитали, в других — штабы воинских частей. Мы с учащимися ходили в госпитали и военные части с выступлениями художественной самодеятельности, готовили подарки на фронт. Я жила с родителями, и мы вместе тоже готовили подарки: домашнее печенье, шерстяные носки и варежки. Все это относила в школу, где работала, там собирались посылки на фронт.

Весной 1942 года колхозы и совхозы посеяли хлеба, подсолнечник, кукурузу. Выросли хорошие посевы, но из-за нехватки людей некому было провести прополку. Колхозы обратились к городским школам. Мы выехали в ближний колхоз для работы в поле. Нас поместили в деревенской школе и обеспечивали трехразовым питанием. Дети работали с энтузиазмом, но нам не пришлось завершить работу, так как фронт приближался к городу. Мы разъехались по домам.

Я имела большое желание попасть на фронт. Набирали девушек в десантные войска, их обучали в специальной школе, которая находилась в сельскохозяйственном техникуме за городом. Я получила хорошую характеристику РК комсомола, в ней писали, что я боевая, инициативная, дисциплинированная. Но... комиссии по отбору девушек не приглянулась, и меня, как и других, передали военкомату. Здесь нас обучали стрельбе, окапыванию и телеграфному делу. Я попала в группу по обучению медсестер. Кроме того, был организован отряд для рытья траншей и окопов под Ростовом. Сформировали целый состав. Но мы не доехали до места, так как город уже был занят немцами, и нас вернули домой.

Налеты немецкой авиации стали чаще, город бомбили. Уже горели большая мельница, малые электростанции и так далее. Я вынуждена была пойти в горисполком за эвакуационным, так как мы с сестрой решили уйти из города. Наши воинские части спешно покидали его, а в то время уже разгуливали по городу немецкие солдаты.

С этого дня для нас начались прифронтовые приключения. Многие наши воины беспорядочно отходили из города, и мы присоединились к ним. Шли к Сталинграду. Все дороги немцы бомбили с трех часов утра до вечера и тут же высаживали десантников, спускали на парашютах пушки. Что мы пережили в эти дни! Всюду разбитые дороги, наши раненые солдаты и убитые, повозки с провизией и боеприпасами. Мы с сестрой сначала потеряли друг друга, а когда я ее нашла, попросились на одну из повозок, и нам поручили тяжелораненого. Перевязала и положила его голову на свои колени. Он был без сознания. Мы заботились о нем до тех пор, пока не сдали в один из госпиталей, а сами пошли пешком. Шли до следующего населенного пункта целую ночь.

Разыгралась гроза, полил дождь, как из ведра. Мы промокли до нитки. В деревне остановились, обсохли, подкрепились едой, которую дали нам добрые жители этой деревеньки и пошли дальше по направлению к Суровикино. Дня два назад эту станцию бомбили: горел большой элеватор, в который только что свезли урожай. Хлеб горит долго и боль-

шим пламенем, освещая все вокруг, и это являлось мишенью для бомбардировок.

Здесь формировался состав на Сталинград. Я познакомилась с женой одного офицера, которую сопровождал солдат. Она ехала в Сталинград к тете и уговорила нас поехать с ней. Но когда мы доехали до Сталинграда, ее тети дома не было — мобилизовали на рытье окопов.

Здесь встретились с миллеровцами, и они нам предложили завербоваться на один из южноуральских заводов, что мы и сделали. Через несколько дней отправились на пароходе «Орджоникидзе» вверх по Волге до Куйбышева. Река бурлила от бомбежек, мы с утра до вечера высаживались на берег и сидели до тех пор, пока не появлялась возможность продолжить путь. Высадились в порту Куйбышева, а там посадили завербованных в состав, который шел до Орска. Нас высадили на станции Никель (где был никелькомбинат). Сначала отправили на карантин в один из колхозов, где мы работали на уборке урожая, а затем снова привезли на никелькомбинат. Поместили в комнату общежития. Нас уже было пять человек из Миллерово. Распределили по цехам. Двоих из нас телеграфистами, одну в женсовет одного из цехов.

Работаю воспитателем.

Я попала в цех по выпариванию агломерата, где были случаи отравления людей.

Однажды, когда пришла на работу (была табельщиком-оператором), увидела рабочих ночной смены, отравившихся газами из пачуков (печей).

В цехе работала три месяца, а потом меня горком комсомола направил воспитателем в одну из школ ФЗО. По направлению попала в школу ФЗО № 5 поселка Локомотивстроя. Здесь расположился завод, эвакуированный из Тулы (в нем было четырнадцать цехов), по изготовлению снарядов для пушек, которые направлялись под Сталинград.

Часто посещала завод, приходила на рабочие места моих групп. Работали ребята и девушки 14-16 лет. Были случаи травматизма, так как уставшие от работы ребята, отвлекшись, попадали под пуансоны (своеобразные молоты) и им отрывало кисти рук, пальцы. Ребята засыпали тут же, рядом со станками.

Заметив мои способности по организации самодеятельности, меня направили на руководство хором, танцевальным коллективом и художественной гимнастикой.

Первое наше выступление было 6 ноября 1942 года на вечере для рабочих-передовиков, администрации и инженерно-технического состава. Пока мы выступали, пошел снег, а мы были раздеты (только в соответствующих костюмах). Возвращаться нам пришлось в сугробах по пояс. Но были рады, что доставили такое огромное удовольствие отмечаемым праздником Октября. Дирекция завода наградила коллектив денежной премией, выделила костюмы для народного хора и танцевального коллектива. Эти костюмы нам пригодились на смотре самодеятельности в городе Чкалове (Оренбурге). Оттуда лучшие участники и коллективы должны были поехать на смотр самодеятельности учащихся ФЗО и ремесленных училищ в Москву.

На смотре я познакомилась с членами жюри: композиторами Василием Соловьевым-Седым и Яном Френкелем, который предложил сопровождать музыкой декламацию, исполнявшуюся моей сестрой, и пение одного нашего ученика, но почему-то наш регион не попал на Всесоюзный смотр.

**1942 год. Девушки из танцевального коллектива,
которым руковожу.**

**Выступление кружка художественной гимнастики
школы ФЗО № 5 поселка «Локомотив».**

В школе ФЗО № 5 я была воспитателем, а потом — освобожденным секретарем комсомольской организации.

В 1943 году открывалась шестая комсомольская домна в Челябинске, и были приглашены секретари комсомольских организаций южно-восточного региона. Я тоже была приглашена, но в это время мне пришел вызов в освобожденный город Миллерово для работы по его восстановлению. Мы с сестрой выехали в наш родной город.

Ехали больше недели. Когда доехали, отдохнув пару дней, я пошла в горком комсомола, чтобы встать на учет. В горкоме партии мне предложили возглавить комитет физкультуры и спорта, где я год проработала председателем (в 1943–1944 г. г.). Городу был нужен Дом пионеров, и меня назначили его директором. Однако его еще нужно было восстановить из полуразрушенного здания одной из начальных школ. Пришлось много походить по предприятиям и организациям, добиваться, чтобы выделили средства для восстановления. Восстанавливали сами: я, сторож и массовик. К октябрю все было восстановлено, и состоялось открытие.

В Доме пионеров проработала два года, а затем, из-за нехватки учителей начальных классов, меня горно перевело в начальную школу № 4 города Миллерово. Сразу я восстановилась в Новочеркасском учительском институте. После того, как проучилась два года, меня перевели в среднюю школу № 5 учителем русского языка и литературы, а, закончив учительский институт, поступила на третий курс Ростовского пединститута, вышла замуж, и мы уехали в Астрахань по месту службы мужа.

Молодой директор Дома пионеров г. Миллерово.

Здесь не работала, так как имела маленьких детей. Затем — снова переезд, в Икрянинский район. Мужа перевели в райвоенкомат военкомом. В селе Икряное проработала учебный год в вечерней, а потом в дневной школе. Затем — снова переезд в город Камышин. Горono послал меня воспитателем группы продленного дня в школу № 3. На следующий учебный год мне дали один пятый класс для работы учителем русского языка и литературы. В этой школе я проработала восемнадцать лет. Пятый класс был сборный, были и слабые учащиеся. Мне приходилось после уроков оставлять их для выполнения домашних работ.

В школе № 3 работала до выхода на пенсию в 1980 году.

За время работы в школе была награждена грамотами горono и облоно несколько раз, затем знаком «Победитель социалистического соревнования» 1973 года, медалью в честь пятидесятилетия Победы в Великой Отечественной войне и медалью «Ветеран труда».

Со своими подопечными — камышинскими школьниками.

1944 год. Во где мои семнадцать лет. Термический цех завода, где мы выпускали пулеметы и как контролеры ОТК проверяли закалку деталей на твердость.

бители. Мне удалось поработать на обоих производствах, и я до сих пор помню детали, их названия, твердость.

А попала я с мамой и 11-месячным братом в Куйбышев просто. В конце августа 1942 года Тульский и Лопасненский заводы эвакуировались подальше от фронта, мужчины-оружейники имели бронь, их не брали на фронт, но нужно было еще много рабочих рук, чтобы обеспечить наших воинов оружием и боеприпасами. Школы (8-й–10-й классы) в том году закрыли, были школы

9 мая 1945 года, в день моего совершеннолетия, закончилась война. Ура! Я также закончила девятый класс в вечерней школе.

ФЗО, в которых обучали молодежь. В Камышин приехали вербовщики, и мы семьей решили выехать, забрав с собой самое необходимое.

Вскоре мы оказались на вновь построенной эвакуированными ст. Безымянка, в поселке из землянок. Здесь закончилось мое детство. Меня приняли на завод № 525 контролером в термичку. Я никогда не забуду два ряда печей, температура при закалке поднималась очень высоко. Когда закальщик вынимал раскаленную красную деталь и опускал ее в масляную ванну, поднимался столб дыма. На другой стороне были печи для отпуска, здесь «лечили» перекаленные детали, которые опускали в водяные ванны. Температура воздуха в цехе доходила до 60°, при этом окна были наглухо закрыты, замаскированы. Вентилятор крутил горячий воздух. Обливались водой. Работали в две смены. Твердость закаленных деталей проверялась контролерами на приборах «Роквелл» или «Брюнель». Привозились детали на тележках, военпред «на выдержку» проверял после контролеров. Пропустить брак было страшно, ведь из-за него во время боя в пулемете что-то не срабатывало. Мы все время об этом помнили. Питались в столовой нехитрым обедом, о вкусных вещах (белом хлебе, мясе) до поры пришлось забыть.

Не забыть многих людей, отличавшихся добротой, скромностью. Писали письма на фронт знакомым и незнакомым. Получали похоронки. Старшей у нас была пожилая женщина — Бабкина тетя Катя. Мы вместе с ней делили горе, когда она получила похоронку на сына. Какие там поминки? Отрезали от каждой хлебной карточки талон, выкупили, продали на рынке (хлеб был дорогой). Обед был приготовлен.

Молодость брала свое. В соседнем помещении помещались сборщицы пулеметных лент. Они во время работы пели. Песни были русские, протяжные: например, «летят утки ... и два гуся». Именно с этого времени я полюбила такие песни. А голубоглазую эстонку Зину мы иногда где-нибудь в уголке заставляли петь на эстонском языке ее песни. У нее был приятный голос. Наций словно не существовало, было одно, общее дело.

Иногда приходили в термичку погреться пожилые, слабые люди. А может они, грехом, от работы уходили? Мы подкрадывались, прикрепляли им «хвосты», «рога», и когда ночью начальник производства проверял, они просыпались и убегали с «хвостами» и «рогами». Это было смешно, но безобидно.

Однажды, придя на смену вечером, увидели плакат «О разгроме немцев под Сталинградом». Это дало столько сил! В это время многие говорили о конце войны, делали всякие предсказания. А она закончилась ... в день моего рождения, в день совершеннолетия: в пять часов утра вдруг заговорило радио, сообщило о капитуляции немецких войск. Я никогда не забуду, что было со мной: я почему-то думала, что буду теперь всю жизнь счастливой.

День был пасмурный, дождливый, и на фоне природы улыбающиеся, плачущие от радости люди, знакомые и незнакомые, обнимались, целовались. Такого общечеловеческого счастья я никогда не забуду. Не забуду стоящих на ящиках у токарных станков мальчишек в телогрейках и больших шапках; пожилых и молодых, строгих и добрых. Все это — наши люди, они ковали победу, и я счастлива, что была с ними вместе.

В моей трудовой книжке — первая запись:

24 XI 1942	Завод № 525 НКВ СССР, зачислена в качестве контролера в ОТК
19 VIII 1946	Уволена с завода на учебу

Я награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 г. г.».

Далее шла учеба: 9-й и 10-й классы вечерней школы, Куйбышевский педагогический институт им. Л. Н. Толстого.

С 1959 по 1982 год — учитель русского языка в школах города. Последние одиннадцать лет — в средней школе № 3. Удостоена медали «Ветеран труда».

Таким образом, свою сознательную жизнь я делю на две части: «Война» и «Школа». Обе они очень важны для меня. Мне кажется, я всегда отдавалась работе до конца, была удовлетворена и счастлива.

Я возвращаюсь домой,
в свой родной Камышин.
До свидания, девчонки!
В Куйбышев мы приехали
из разных городов —
Тулы, Подмосковья,
Сталинградской области.
Нас сдружила война.

Серьезно это или нет —
проверит время.
Надо сначала
закончить школу.
Что-то будет через год.

Мы с гордостью отмечали 55-летний юбилей нашей Победы. Нас, пожилых, кто помнит это, становится все меньше, трудно живется. Очень хотелось бы, чтобы наша молодежь жила лучше, но для этого нужно много стараться и многое преодолеть. Без этого ничего не получится.

**Мордвинова
Тамара Степановна,
ветеран труда,
бывшая учительница
средних школ № 3 и № 10.**

ШЛА «ВОЙНА НАРОДНАЯ»...

Великая Отечественная война застала нас на Урале, в большом рабочем поселке — красивейшем месте во все времена года.

Недалеко — большая железнодорожная станция, загроможденная со стороны поселка штабелями заготовленного леса, а с другой — тайга на многие километры...

Папа

Мы, две семьи, живем в доме дверь в дверь. В нашей семье четверо детей, у соседей — пятеро. Мне и соседскому Павлику по десять лет, остальные все младше. Отец соседей ушел на фронт в первые же дни войны. Наш еще дома, и пока он для нас наставник. Учит как и что делать, чтобы мамам быть помощниками.

Идем с ним в лес за ягодами. Он нам многое объясняет, на многое обращает наше внимание. Делает на деревьях затеси (зарубки), чтобы по ним мы могли определять дорогу к ягодным местам и домой. Подходим к огромному логу, папа объясняет, что там много малины, но есть и хозяин — медведь. Поэтому в самую чащу не надо спускаться, но и в других местах желательно вести себя шумно — медведь уйдет. Показывает папа места, где можно набрать кедровых шишек, где и как — особенно как, чтобы не провалиться в болото, собирать клюкву.

Потом, пока мы не уехали из поселка, а произошло это осенью 1943 года (папа уже был на фронте), мы всей

ватагой, набиралось нас человек 10–15, старались строго выполнять его наказ.

Наша детская жизнь

Мамы работали, а мы, Павлик и я, в своих семьях были главными: топили печи, следили за порядком в доме, за выполнением уроков младшими. Летом почти ежедневно ходили за ягодами. Потом ягоды несли на продажу к поездам: рассыпали по стакану в бумажные кулечки — и на станцию. Проводники нас пускали даже в вагоны, там торговля шла бойчее. И вот как-то мой младший брат Миша выходит из вагона в слезах, трясущийся. Оказывается, это был санитарный вагон, и Миша первым из нас увидел «страшное лицо войны». Ночью он вскрикивал, плакал, звал папу. Теперь мы хорошо узнавали санитарные поезда, и часть ягод передавали медсестрам для раненых. Даже соревновались, кто передаст больше.

По-прежнему большое место в нашей жизни занимали игры. Но это еще были «мирные» игры: в чижик, в лапту, в прятки, в «поезда» и многие другие.

Много читали вслух. Главным чтецом была я. Павлик учился хорошо, по математике намного лучше меня, хотя мы оба были отличниками, но читал, как говорили наши слушатели, «как-то непонятно».

На новый, 1942 год вместе с подарочным пакетом от Деда Мороза я получила еще и квитанцию на «Пионерскую правду». Каждый номер газеты ждали с нетерпением, прочитывали по несколько раз от «корки до корки». А когда читали про Зою Космодемьянскую, не стесняясь, рыдали.

Подшивку газеты я хранила несколько лет.

Наши концерты

Возвращаясь из тайги, перед поселком на большой поляне (там даже пень широченный был, чем не сцена?) мы устраивали концерты. Пели, плясали, разыгрывали пьески, читали стихи. Пели все, что было на слуху: песни о Родине, о Щорсе, о Кольке Снегиреве и Рае, пели про

Мурку и чуть не плакали, когда «хоронило Мурку очень много люду...». Но главными в концертах были стихи. Читали многие, но мой выход со стихами про «Жучку» был завершающим.

Не знаю, где, в какой макулатуре я нашла стихи С. Есенина «Песнь о собаке», ругательное слово «сука» заменила словом «Жучка» и выучила. Слушатели мои всякий раз смахивали украдкой слезы, когда Жучка

В синюю высь звонко
глядела ... скуля...

И особенно, когда

Покатились глаза собачьи
Золотыми звездами в снег.

В один из летних дней 1942 года по поселку разнеслась весть: в тупике стоит состав с легкоранеными, и вечером в железнодорожном клубе медперсоналом этого поезда будет дан концерт. Мы «в первых рядах» — на полу перед сценой. Зрители мы — самые примерные, самые благодарные.

Выходит девушка в военной форме, высокая, красивая, читает стихи. Слушаем, затаив дыхание. Девушку долго не отпускают со сцены, вызывают на «бис». Мы хорошо уловили содержание, запомнили строчки:

Ничто нас в жизни не может
Вышибить из седла! —
Такая уж поговорка
У Лёньки была...

Постоянно их повторяли и «заболели Лёнькой». Не знали ни автора, ни как называются стихи, искали стихи «про Лёньку». А вот где и как нашли — не помню, но теперь завершающим номером наших концертов было стихотворение Константина Михайловича Симонова «Сын артиллериста» в моем исполнении. А к концу лета все «зрители», по-моему, знали это стихотворение не хуже меня.

Вовка

В первое лето войны я столкнулась с явлением, которое сейчас пытаются объяснить ученые.

У Павлика был братишка Вовка, которому было не более шести лет. И вот этот Вовка, как говорила его мать тетя Маня, «вешшал» (вещал). Провожают соседи на фронт сына Мишу. Миша — тракторист. А мы играем. Вдруг Вовка как-то по-стариковски садится на ступеньку крыльца и говорит: «Все, конец Мишке, огнем-полымею (пламенем) сгорит!...» Мы — «немая сцена». Кто-то позвал тетю Маню, но не успела она что-либо сказать, Вовка повторяет ту же фразу. Миша был танкистом. Как погиб — неизвестно, но погиб.

Зимой 42-го года наши соседи получили на отца «похоронку». Как кричала тетя Маня, как рвала на себе волосы! А Вовка своё: «Не реви, папка живой, вот увидишь, домой приедет...».

Мы жили уже на своей «малой родине», пришло от Павлика письмо: отец вернулся, на одной ноге, был контужен, долго лежал в госпитале. А в день приезда отца рано утром (тетя Маня с ухватом у русской печи) Вовка свесил голову с полатей и говорит: «Опять реवेशь? Иди, папку встречай. На улице-то вон какая грязища, а он на одной ноге». Тетя Маня его ухватом чуть не огрела, а тут соседка кричит: «Маня, иди встречай мужика!»

Что стало с Вовкой, интересно было бы знать, может быть, так и «вешшает», как дед Федот (был, оказывается, у них в роду дед-провидец).

Я — «учительница»

Школа в поселке была начальная, а наша учительница ее заведующей, часто уезжала в районный центр. Учительница соседнего класса даст нам задание, сидим и учимся. Нет-нет, да и заглянет: все в порядке — остаемся и опять учимся.

На уроке рисования мы должны были срисовать иллюстрацию к басне И. А. Крылова «Кукушка и Петух». Одноклассники знали, что у меня получается лучше, чем у многих, и попросили на доске нарисовать. Рисунок получился удачный. А потом как-то получилось так, что появилось несколько «учителей». Я стала «учительницей» чтения и рисования.

Когда об этом новшестве узнала наша учительница, похвалила нас. И теперь, когда уезжала, давала задание каждому «учителю».

Не знаю, как такая «профориентация» сказала на других «учителях», я же мечтала только о профессии учителя. Мечту осуществила.

Наша малая родина

Мама у нас была больная. И вот, когда ее в очередной раз положили надолго в больницу, приехал дядя и увез нас на нашу малую родину. Здесь были все наши корни, все наши родственники. Произошло это осенью 1943 года, мама же приехала только к новому году. Поселились мы на зиму у тети Наташи Солиной, маминой подруги детства. У Солиных трое детей, нас — четверо, а жили дружно. Двор ли от снега чистить, за сушняком ли в лес идти, воду ли с речки носить — везде вместе.

На всю жизнь запомнились, как что-то очень дорогое, долгие зимние вечера. Сумерничаем. В середине избы топится «калёнка» (железная печка-временка), а мы все вокруг нее: сказки рассказываем, побывальщину всякую, загадки загадываем, а если мамы наши еще и по паре картофелин на печёнки выделяют — не жизнь, а праздник.

К весне 1944 года мама продала кое-что из вещей, и купили мы свой «дом» — землянку 3х3 метра, пристроили-прикопали к ней еще одну, «горницу», шутили соседи. Огород, как сумели, засадили и зажили своим хозяйством.

Всю жизнь вспоминаю своих односельчан с благодарностью за их заботу и помощь. Здесь, в деревне, я поняла, как непрерывен и тяжел труд сельского жителя. Трудятся все: и взрослые, и дети. В тринадцать лет я научилась жать серпом, брату Мише в его одиннадцать лет доверили смирную лошадь, и он бороновал вспаханную землю. Мы все больше и больше вживались в деревню, и она нас одаривала все новыми и новыми открытиями. Именно здесь мне посчастливилось наблюдать процесс выращивания и обработки льна. А это — целая наука! Лен дергали, мочили, сушили, мяли, чесали, пряли, ткали... И вот идем в марте из школы и видим: на большой луговине растянуты полотна готового тканья, пока еще серо-желтые, а через несколько дней — уже белые... На снегу отбелилось полотно.

А как наши односельчане умели встречать и провожать праздники! Что ни праздник, то новый «сценарий». Но больше всего меня удивляло то, как быстро и метко подмечалось все и отражалось в «народном творчестве».

Усталые возвращаемся из леса. Корзинки с малиной оттягивают руки. Накрапывает хороший дождь. Зябь поднимать нельзя, тракторы стоят. А трактористы, двухметровый богатырь Витя и миниатюрная красавица Клара, под разлапистыми елями разучивают танец, вернее, Клара учит Витю. А через 2–3 дня на «пяточке» звучит частушка:

Дождь идет, дождь идет,
Трактора буксуют.
Клара с Витей на меже
«Звездочку» танцуют.

Значит, не мы одни прошли мимо Вити и Клары.

Детдом

В январе 45-го года маму с тяжелыми приступами увезли в больницу, а нас, всех четверых, — в детдом. Привезли нас туда 21 января, обед в детдоме праздничный («День памяти В. И. Ленина»), из трех блюд, еще и добавки подкладывали.

Очнулась я в изоляторе (детдомовской больничке). Открыла глаза — и не пойму, где я, что со мной. Приподнялась, огляделась: четыре кровати, на трех — мои братья Миша, Леня, Юра. Лежат, не двигаются. Потрогала свою голову, а она колючая, волос нет. Закричала — и упала навзничь... Когда же снова очнулась, увидела ласковый взгляд «доктора Айболита».

— Ой, как доктор Айболит!..

— Он самый, милая девочка, теперь будем выздоравливать и жить. Братишечки твои тоже скоро проснутся. А коса — снова отрастет и будет еще лучше...

Это был интернатский, вернее, детдомовский доктор Михаил Сидорович. Врач старой закалки: знающий, умеющий, опытный...

Через несколько дней мы уже были среди таких же 120-ти сирот и полусирот. О голоде забыли, учились, жили в ожида-

нии Победы. Пришла она к нам ранним весенним утром. Проснулись от радостных возгласов воспитательницы Нины Борисовны. Она плакала, смеялась, обнимала то одну, то другую девочку и твердила: «Победа! Победа! Победа!..».

В шесть часов утра под знаменами, под звуки горна, под барабанную дробь мы прошли по всему селу, а оно огромное, километра два в длину, и название ему Краснояр. Потом состоялся митинг возле сельсовета, а потом — праздничный «победный» обед. Не знаю, не помню, что там было на «первое», «второе», а вот конфета... шоколадная, в красивой обертке! Держу на ладони это чудо, и такая жалость, что придется ее съесть.

Вечером концерт в сельском клубе. Сельчане знали наш репертуар, и получился «концерт по заявкам». Как всегда его «гвоздем» была Галя Савицкая. Как она пела! Голос чистый, широкого диапазона, волнующий. Пела на русском языке, но особенно проникновенно на своем родном, украинском. Бывало, сядет летом на окно, устремит взгляд куда-то вдаль и затоскует: «Солнце низенько, вечер близенько». Мы тут как тут, и прохожие сельчане обязательно остановятся.

Меня зрители попросили прочитать стихотворение «Кукла». Автора не помню. Его я читала почти на каждом концерте. Если нет его в программе, обязательно попросят зрители. Бывало, начинаю читать, а женщины заранее трут глаза. А после строк, когда фашист стреляет в девочку, вырвавшую у него из рук любимицу-куклу, которую:

... Отец на зависть всем девчонкам

Привез, наверно, из Москвы...

из зала слышались уже сдерживаемые всхлипывания, и почти плач после:

На косы куклы и на платье

Немного крови натекло.

Заявки на исполнение того или иного номера сыпались и сыпались, но вот выходит Галя и запеваает: «Расцвели яблоки и груши...». Зал подхватывает, всем понятно, что концерт окончен.

И последнее воспоминание о детдоме. Прихожу из школы, меня ждет конюх дядя Гриша, татарин, фронтовик, и просит: «Покажи, дочка, где Ипонья (Япония)». (В детдоме были дети старше меня, но «старшеклассницей» была я одна (училась в пятом классе.) Показываю (в столовой у нас висела для этой цели карта).

Долго разглядывал дядя Гриша Японию и вдруг изрек: «Тьфу, шайтан, маленький, как мой один сапог, на такой большой страна грозит, война хочет. Сапсим дурак!» И, плюясь, заковылял к выходу.

В начале июня приехала мама и забрала нас домой. А папу мы не дождалась: погиб под городом Колпино Ленинградской области. Мы же, его дети, все четверо, благодаря заботе государства, помощи множества просто добрых, чутких людей остались живы. И хотя война внесла в нашу жизнь многие испытания, страдания, в памяти живет то хорошее, что сохранило нам жизнь, вселило уверенность в ее доброе продолжение.

**Последний звонок
в средней школе № 3.
Напутственное слово
выпускникам.**

**Маслова
Раиса Петровна,
ветеран труда,
учитель математики
средней школы № 3,
председатель
клуба «Импульс»
ветеранов-педагогов
при ДOME учителя.**

В ВОЙНУ ДЕТИ БЫСТРО ВЗРОСЛЕЮТ

Летом 1942 года я окончила Руднянское педучилище и стала работать в своем родном селе Нижняя Добринка Жирновского района старшей пионервожатой, часто заменяла учителей начальных классов.

Тетрадей не хватало, ученики старших классов писали в старых книгах между строчками.

Старшеклассники брали шефство над учениками первого класса. Им давали тетради в линию, а надо было в косую. Так вот отрядные вожатые вечерами сидели и разлиновывали эти тетради для первоклассников.

Не успевали молотить скошенный на зерно хлеб, и складывали в скирды. По воскресеньям в зимнее время учащиеся 5–7 классов ездили молотить. И там родилась мысль, как из соломин пшеницы и ржи сделать украшения к Новому году. В клубнях картофеля шилом делали небольшие отверстия, в которые вставляли соломины, предварительно украшая их около колосьев цветной бумагой. Получались очень симпатичные цветные шары, которые развешивали на окна и на елку. Еще делали гирлянды из цветной бумаги, тоже развешивали на окнах и елке.

В селе не было радио, телефон был только в сельском Совете. Газет получали мало. Пионеры организовали жителей в группы десятидворки, работали агитаторами. Читали

газеты, передавали сводки с фронта, выпускали стенгазеты. Помогали, кому за водой сходить, напилить и нарубить дров. Собирали теплые вещи для фронта: носки, варежки. Отсылали посылки, писали письма на фронт.

Жители организовывали сбор денег. Собрали сто тысяч рублей для покупки самолета от нашего села. Помог инвалид детства Наумкин дядя Петя, который занимался пчеловодством и очень много вложил лично своих средств.

В это время открылся полевой госпиталь в одном из зданий школы. Школа занимала четыре купеческих дома. Раненых привозили из Сталинграда. Были среди них слепые, без рук и ног, глухие. Все молодые, совсем мальчишки.

Кухню организовали в сельском клубе, который находился рядом со школой. Школьники-пионеры помогали во вне учебное время на кухне.

Дежурили ночью в палатах, помогали медсестрам. В выходные дни в палатах писали письма от имени тех бойцов, кто сам еще не мог писать. Выступали с концертами. Приносили угощения из дома, кто что мог.

Через год, в 1943-м меня направили в Сталинградский пединститут на физико-математический факультет. Только окончили первый курс, нас сняли с учебы и направили работать в средние школы. Учителей в школах не хватало.

Меня направили в село Подкуйково Руднянского района, где я работала по 1957 год, пока мужа не перевели в г. Камышин на работу в узел связи.

В 1944 году в Подкуйково мы весь сентябрь не учились. Рабочих рук в колхозе не хватало. Мы копали картошку. Шли частые дожди, дни уже были прохладными. А земля глинистая, черная. Кроме картошки собирали огурцы и помидоры.

В школе было печное отопление, топили дровами. За восемь километров от села (на берег реки Медведицы) ездили в лес, с учениками пилили дрова для школы. Зимой почти каждый выходной колхоз выделял для школы 2–3 пары быков и в сопровождении одного–двух взрослых ученики ехали в лес. За дровами ездили учащиеся только 8–10 классов.

Мои ученики и ученицы были с 1926–1928 годов рожде-

Выпускники восьмого класса. Какие серьезные, взрослые лица. Они уже старшие в своих семьях и школе. Мужской труд лежит на их плечах. Классный руководитель Р. П. Маслова (вторая слева во втором ряду).

ния, а я с 1925 года. Так что мои первые учащиеся были мне почти ровесниками. Но ничего, они уважительно ко мне относились.

9 мая — День Победы встретили таким ликованием! Тут же из досок посреди села сделали мужчины помост-сцену, все выступали, многие плакали от радости, появилась гармошка, запели песни, частушки. Мне этого никогда не забыть. И даже не верится, что это все было со мной, в моей жизни.

Не стареют душой ветераны

В 1981 году пошла по старости на пенсию. И стала думать: что делать дальше, чем заниматься? Скучно сидеть весь день дома, а вечерами на лавочке около дома.

И вот на вечере, посвященном Дню учителя, в 1985 году решили ветераны-педагоги создать свой клуб по интересам, где

можно было бы всегда встретиться, найти ответы на интересные вопросы, да и просто пообщаться. Так в городе «родился» клуб «Импульс», который сейчас работает и заявляет о себе прекрасной художественной самодеятельностью.

Создан хор ветеранов-педагогов, образовалась прекрасная вокальная группа. В клубе солисты: бывший директор школы № 15 Сухорученко Владимир Иванович, солистка Гридина Анна Ивановна, физик школ № 3 и № 14, Чекмарева Анна Николаевна, бывший завуч школы № 13, и многие, многие другие. Меня выбрали председателем совета ветеранов-педагогов г. Камышина и президентом клуба «Импульс».

**Во время встречи
с матерью композитора
и певца Евгения Мартынова —
Ниней Трофимовной
и его братом Юрием.**

**Встречи членов клуба «Импульс»
с участниками Великой Отечественной войны
и киноартистом Андреем Мартыновым.**

Были встречи с интересными творческими людьми, такими как Маргарита Агашина, с Ниной Трофимовной и Юрием Мартыновыми, матерью и братом композитора и певца Евгения Мартынова, который родился в нашем городе.

На фотографии, сделанной в клубе «Импульс», в центре Нина Трофимовна и ее сын Юрий. Встреча была в ноябре 1997 года в Доме учителя. Много тогда мы спели песен Евгения Мартынова — «Натали», «Лебединая верность». А его песня «Ветераны» стала гимном нашего клуба.

Песня пусть начинается,
До небес поднимается,
Светом пусть наполняется, как заря.
Пусть виски запорошены.
Посидим по-хорошему...
На земле жили-прожили
Мы не зря.

На фотографии — знакомые лица. Ведь это все учителя-ветераны. Многие годы они работали в школах города.

А какими трогательными и душевными были встречи в канун 60-летия Сталинградской битвы!

Были встречи с киноартистами, в частности, с Андреем Мартыновым, который снялся в главной роли в фильме «Вечный зов». Он с нами пел песни и предложил включить в наш репертуар песню «Солнце скрылось за горою», которую солировал. Мы ее разучили. С ним вместе были Лариса Лужина, Ирина Шевчук и Борис Токарев. Да, тот самый Борис Токарев, который играл в фильме «Горячий снег» лейтенанта.

29 января 2003 года еще одна запоминающаяся встреча — с Василием Лановым, который играл главную роль в фильме «Офицеры». Сначала мы с ним встречались в Доме учителя, а потом на концерте в детском концертном зале «Дружба».

Наш коллектив несколько раз выступал с концертами в военном госпитале, в технологическом институте, в зале администрации города, в городском парке и т. д.

Ежегодно мы проводим встречи с ветеранами-педагогами в День учителя, день пожилого человека, день матери, встречи Нового года, 2 февраля и 8 марта, 9 мая.

Когда годы и болезни одолевают ветеранов, мы их поддерживаем, помогаем. А если все же случается беда, провожаем в последний путь.

4 мая 2001 года. В Камышинском военном госпитале выступали с концертом перед солдатами, ранеными во время боевых действий в Чечне.

Очень интересно, насыщенно проходят все мероприятия, особенно когда посещаем школы. Неоднократно были встречи с коллективами учителей и учащихся школ № 3, 12, 18 и других. И здесь я нашла свое призвание. Конечно, на общественных началах. За семнадцать лет работы не получала ни зарплаты, ни одного дня рабочего стажа. Но я счастлива, что могу быть в кругу друзей, что пригодились накопленные за многие годы педагогического труда организаторский опыт и знания.

**Хлынина
Людмила Павловна,
ветеран труда,
бывшая учительница
математики
и физики ССОШ № 2,
председатель
общественной
организации
«Дети военного
Сталинграда».**

ДЕТСТВО, ОПАЛЕННОЕ БИТВОЙ ЗА СТАЛИНГРАД

В 1942 году в центре самой жестокой битвы на Волге оказались не только солдаты, защищавшие Сталинград, но и дети, не успевшие познать мир, доучиться и доиграть. Они тоже стали жертвами войны. Невинные дети гибли и голодали. А после войны сколько осталось инвалидов детства, сирот, раненных и больных? На этот вопрос трудно ответить.

В жизни сталинградских детей было много трагического. И те, кто выжил в том страшном аду, до сих пор не могут забыть свои страдания, переживания, утраты.

Довоенное детство

Все познается в сравнении. Я заметила, что если человек пытается поведать о чем-то тяжелом, он хотя бы в нескольких фразах расскажет о том, что было «до того». Итак, как мы жили до войны... До войны я и другие дети жили с ощущением счастья, радости и благополучия.

Мои отец и мать работали. Меня оставляли с бабушкой, которая обычно была занята домашними делами, а я бродила по двору и скучала.

За забором, в соседнем доме был детский сад. Там всегда было шумно и весело. В детский сад меня не принимали,

т. к. мне не было трех лет. Однажды заведующая вызвала маму и сказала: «Жалко девочку, от забора не отходит. Приводите к нам, примем». Я была счастлива. Все мне нравилось: разучивание стихов и песен, праздники, изготовление самодельных игрушек для украшения елки, разучивание танцев и сценариев.

В 1938 году моего отца Павла Ивановича Хлынина перевели в Сталинградский облсовет ОСОАВИАХИМа на должность начальника сектора кадров.

Мы жили по улице Двинской, позже переименованной в улицу Профинтерна. Одним концом улица упиралась в железнодорожное полотно, а в другую сторону тянулась к Маманову кургану.

О довоенном босоном детстве остались самые светлые воспоминания. Летом нашими любимыми играми были прыгалки, классики, лапта, игры в мяч. Очень любили провожать поезда. Махали вслед пассажирскому поезду и прыгали от счастья, получая в ответ знаки внимания.

Только зимой вспоминали о своих тряпичных куклах. На улицах лепили снеговиков, играли в снежки, катались на санках. Зимы были снежные. Чтобы выйти из дома, нужно было сначала поработать лопатой — сделать тропинки.

По другую сторону железной дороги возвышалось четырехэтажное здание школы № 90, где учились две мои двоюродные сестры. За школой стояло двухэтажное здание детсада.

Иногда мы с мамой ездили в центр Сталинграда на трамвае. Подолгу стояли около фонтана у железнодорожного вокзала.

Март 1936 года. Мне два года восемь месяцев.

В Сталинграде довоенном
Перед зданием вокзала
Беззаботно, откровенно
Детство мирное играло.
Взявшись за руки, ребята
В танце весело кружили...
А потом боев раскаты
Эту память сокрушили.
И осталось только фото,
Только фото хоровода...

Г. Киреев.

С мамой мы ходили в универмаг. Покупали что-либо редко, но набирались впечатлений сполна. Потом еще долго восторгались воспоминаниями разнообразия и обилия товаров. Мечтали о том, что когда-нибудь обязательно купим что-то в этом универмаге.

В центре Сталинграда находился также кинотеатр. За-

1938 год. Со своими родителями —
отцом Павлом Ивановичем и матерью Галиной Сергеевной.

помнились не фильмы. Детских в то время не было. Шли взрослые и непонятные. Но при кинотеатре была детская комната. И пока взрослые смотрели кинофильмы, дети могли поиграть. Там были чудные игрушки, лошадки-качалки и детские кровати. Мне очень хотелось остаться в этой комнате, но я боялась, что мама забудет меня забрать, а я в то время не могла запомнить новое и странное название нашей улицы — Профинтерна. Поэтому сидела рядом с мамой в темном зале, совершенно не понимая содержания фильма.

В мае 1941 года мы простились с детским садом. В школу в то время шли с восьми лет. Чтобы летом я не слонялась без дела, поздоровела и окрепла перед школой, мама отправила меня на все летние месяцы в лагерь. В одно из воскресений вдруг притихли дети, стали тревожными и грустными лица взрослых. Прозвучало страшное слово — война.

Война

Она неожиданно ворвалась в жизнь людей, круто повернув их судьбы. Когда я вернулась после летнего отдыха, то увидела, что во дворе мои отец и дядя роют окоп, строят бомбоубежище. Одна из двоюродных сестер, закончив восемь классов, уже работала на заводе. Другая после шестого класса ходила в госпиталь ухаживать за ранеными, писала от их имени письма родным. Тетя и мама уходили «на рубежи» копать окопы и противотанковые рвы. В школе № 90, где я собиралась учиться, организовали учебу для военнообязанных, а позже это здание отдали под госпиталь. Я очень переживала по поводу срывавшейся моей учебы.

Занятия 1 сентября все же состоялись в другой школе — № 20. Не было в тот день торжественной линейки, цветов, улыбок. Основное здание заняли старшеклассники. Нам, первоклашкам, отвели глинобитное одноэтажное. Первая учительница — Мария Ивановна — часто вздыхала и сокрушалась о беспокойном военном времени. Была печальна и грустна. А мы старались учиться, хорошо себя вести и не огорчать нашу учительницу.

Нас, первоклашек, как и старших, возили в госпиталь. Там мы читали стихи, пели. Я танцевала. Иногда кто-нибудь из раненых позовет меня, погладит по голове и с грустью скажет: «А у меня дома осталась такая же дочка».

В марте 1942 года мой отец ушел на фронт. Мама в это время стала работать на заводе «Красный Октябрь». Город перешел на военное положение. Везде расклеивали призывы и лозунги «Все для фронта, все для Победы!» Заводы работали круглосуточно, без выходных. Мама домой не приходила. Я продолжала учиться в школе. Первый учебный год подходил к концу. Получила первый документ об образовании, и вскоре начались бомбежки города.

Граждане, воздушная тревога!

После этого обращения по радио жутко, очень громко выли сирены. Я хватала свою новую гуттаперчивую куклу и с семьей тети спускалась в бомбоубежище. Сидели мы на узлах с нехитрыми пожитками. В убежище было темно и сыро, пахло плесенью. Мы прислушивались к натруженному гулу фашистских самолетов, свисту падающих бомб, уханью орудий. Бомбили важные объекты: заводы, железную дорогу, также бомбы падали в жилые кварталы. Однажды бомба разорвалась почти рядом, на соседней улице. Наше убежище качалось, земля сыпалась на голову, трудно было дышать и казалось, что вот-вот рухнет наше укрытие. Я боялась шевельнуться, не мигая напряженно смотрела в темный угол, внушая себе, что при этом условии бомба в нас не попадет. Так мы и сидели часами. Я тогда и не предполагала, что такое поведение приведет меня к сильной потере зрения. Когда наступало затишье, мой дядя открывал крышку убежища, и мы выходили на поверхность.

В тот злополучный день разорвавшаяся бомба принесла много несчастий: дяде осколок ранил руку, погибла под руинами кухни наша любимая собачка, на соседней улице бомба попала в дом и вместо него зияла огромная воронка. По краям воронки лежали, сверкая на солнце, не успевшие еще остыть осколки. Мы, дети, потом собирали их, дивились за-

**«СТАЛИНГРАД НЕ БУДЕТ СДАН
ВРАГУ.
ТАК И ПЕРЕДАЙТЕ ВСЕМ».**

Иосиф Сталин,
20 июля 1942 г.

**«СТАЛИНГРАД: МУЖСКУЮ ЧАСТЬ
НАСЕЛЕНИЯ УНИЧТОЖИТЬ,
ЖЕНСКУЮ — ВЫВЕЗТИ».**

Адольф Гитлер,
31 августа 1942 г.

1942 год. Эта скульптурная композиция в центре Сталинграда чудом сохранилась после гитлеровских налетов.

Так выглядел центральный городской универмаг перед войной.

мысловатым спиральям металла, которыми осколки были «украшены». Пострадал не только дом, но и его жители. Хотя они и успели спрятаться в укрытии, но были завалены обломками и землей — спасти никого не удалось.

Первый труп, который я увидела на улице, был труп девушки. Она была юная, красивая, в пестром сарафанчике, лежала на спине, а длинная толстая коса была перекинута через грудь. Куда она бежала? На какой улице жила? Никто не знал. Такие трупы не хоронили. Их сносили в овраги вдоль железной дороги и оставляли для опознания. Иногда их находили родственники.

Часто гибли дети, в основном мальчики, которые, найдя неразорвавшиеся снаряды или другие непонятные предметы, пытались «разобраться» с находками, а они взрывались в руках.

Защитники Сталинграда проявляли железную выдержку, упорство и героизм. Город стойко держался; несмотря на превосходящие силы противника, взять его фашистам не удалось.

Коварный план врага — уничтожить все живое!

23 августа 1942 года. Солнечный воскресный день. Жители города, пользуясь наступившей тишиной, занялись обыч-

**Так выглядел один из кварталов Сталинграда
осенью 1942 года.**

ными домашними делами. Во дворах резвились дети. Вдруг в небе появилось огромное количество фашистских самолетов. Затмив солнце, со страшным гулом они приближались к городу, неся смертельный груз.

Люди не успели опомниться, добежать до укрытий, как на весь город одновременно посыпался град зажигательных, фугасных, осколочных бомб. Мы сидели в убежище, затаив дыхание. Самолеты шли волна за волной. Земля содрогалась так, что, казалось, началось землетрясение. Грохот, треск пылающих домов, разрывы бомб слились в сплошной рев. Трудно было понять, что творится вокруг.

Бомбежки продолжались в течение нескольких дней. Казалось, что выжить в этом аду просто невозможно. Гибли не только защитники Сталинграда, гибли мирные жители и, конечно же, невинные дети. Напоминаю: 43 тысячи жителей погибло и 50 тысяч было ранено.

После этой чудовищной бомбежки в городе наступила тишина

Мы вышли из убежища. Горел наш дом. Все кинулись его тушить, но водопровод был разрушен, бочки с водой пробиты осколками. Было жарко и жутко. Тетя и двоюродные сестрички плакали и причитали. Из укрытий выходили люди. Все вокруг было объято пламенем. Особенно ярким оно было в районе Мамаева кургана. Я смотрела во все стороны. Там, где стояли многоэтажные дома, торчали только стены, а везде дым и зарево пожарищ. Мне показалось, что я одна нахожусь в кольце огня, откуда нет возможности спастись.

К вечеру вернулась с работы мама. Живая! Она рассказала, что во время этого кошмара рабочие находились в бомбоубежище, а завод «Красный Октябрь» разрушен. Всехпустили по домам. Маму волновала судьба родителей, которые жили на Южном поселке Тракторозаводского района.

В сентябре 1942 года мы вдвоем отправились в путь. Шли ночью. Было светло от пожаров и прожекторов, которые искали в небе фашистские самолеты. Вышли на главную улицу — чадил асфальт. Мы лезли под искореженные

трамвайные вагоны, спотыкались о рельсы, обходили трупы людей, среди них были и дети. Живых не было. От домов остались груды кирпича или стены с дырами вместо окон. А еще воронки от бомб и снарядов. Мама меня торопила: надо было добраться к своим до рассвета. К нашему удивлению, деревянный дом был цел, но пуст. Перепуганные люди прятались в убежище. Там мы отыскали и бабушку с дедушкой. Вскоре солдаты поставили рядом с убежищем зенитку, а нам всем велели уходить к Волге. У дома теперь проходила линия фронта.

Переправа, переправа — берег левый, берег правый...

Переправа была последней надеждой к спасению. Берег Волги был похож на огромный муравейник, так было много людей. Грузились ночью. По узкому трапу военные пропускали людей на баржу, которую потом тащил маленький баркас. Мой дедушка от всех переживаний совсем ослеп и упал в воду. Его вытащили, спасли ему жизнь, но с тех пор он потерял рассудок, стал растерянным и безразличным ко всему происходящему. Потом я уже не отходила от дедушки, водила его за руку. Зрение к нему не вернулось.

Когда нас везли через Волгу, в небе кружили вражеские

Горящий Сталинград.

самолеты. Бомбы падали рядом с баржей, заливая ее водой. Небо освещали пучки света от прожекторов, наши орудия обстреливали самолеты. Я сжалась в комочек, многие взрослые шептали молитвы, крестились. Моя бабушка за пазухой бережно прижимала к груди икону Николая Угодника. Нам повезло — мы доплыли до долгожданного берега. Долго шли пешком и, наконец, добрались до Камышина.

В Камышине мы отыскивали бабушкину сестру. Она жила на ул. Камышинская, д. 51 в очень маленькой комнатке с одним окошком. Нас давно оплакивали, считая погибшими в Сталинграде и даже телочку от коровы называли в мою честь — Люськой. Как мы размещались в той маленькой комнатке, я уже не помню, но в те годы это было совсем неважно. Мама устроилась на работу. Я пошла в школу.

В Камышине

Бабушке и дедушке, как беженцам, дали талоны в столовую. Она находилась на Октябрьской улице между ул. Пушкинской и Комсомольской. Ходили в столовую я и дедушка. Кормили супом, напоминавшем кисель серого цвета, и назывался он затируха. Кроме того, давали еще стакан чая. Я свою порцию затирухи съедала полностью. Она мне даже нравилась. Дедушке еды не хватало. Я приносила ему недоеденные порции. Зорко следила за посетителями. Мне было стыдно, но и дедушку жалко. Увидев остатки супа, я быстро подбегала к чужому столу, чтобы опередить официантку. Бережно несла тарелку и выливала содержимое дедушке, тарелку возвращала на прежнее место.

В то время, как и везде, в Камышине собирали теплые вещи для бойцов. Мама и бабушка вязали носки и варежки, а мы, школьники, шили кисеты. Вышивали их и клали записки далекому и незнакомому солдату.

Я училась в семилетней школе № 3 (красное здание на территории ГПТУ-15, за горпарком). В свободное время ухаживала за Люськой, которая превратилась во взрослую корову. Она меня любила, узнавала и слушалась. Я считаю, что Люська спасла мне жизнь.

**С фронта мой папа
вернулся в звании капитана
и с боевыми наградами.**

**1945 год. Моя мама
Галина Сергеевна и я.**

**После Победы наша
большая дружная семья
собралась вместе.**

Однажды весной я сидела во дворе у стены нашего дома, играла. Люська еще не ходила в стадо и находилась в сарае. Вдруг начала мычать все громче и настойчивей. Я поняла, что она меня зовет. Когда я была на середине двора, услышала страшный грохот. Рухнула стена дома, возле которой я только что сидела.

1945-й — год Победы

9 мая, как обычно, я бежала в школу через парк. А в парке собирались люди. Вели они себя необычно: смеялись и плакали одновременно, играла гармонь, люди пели. Один мужчина, увидев меня, крикнул: «Девочка, куда идешь? Уроков в школе не будет. Победа!» Я пошла дальше. В школе стояла тишина. Уборщица встретила меня с удивлением и очень доступно объяснила: «Победа, это значит — закончилась война и если твой, девочка, отец жив, то он скоро вернется домой». Я бежала домой и думала: «Как я давно не видела своего папу! Узнает ли он меня?»

И снова в городе детства

Прошло время. Подросли сталинградские дети. В 1951 году я вновь оказалась в Сталинграде. Поступила в пединститут. Город был еще в руинах. Мы, студенты, восстанавливали, возрождали город-герой, участвовали в черкасовском движении.

Дети войны стали учителями, врачами, строителями. Все давно заслужили отдых, но многие продолжают работать.

Сталинград — колыбель Победы. От стен этого города начался славный марш великого наступления Красной Армии на запад. Великая Отечественная война закончилась блестящей Победой, и Сталинград будет вечным памятником мужеству, стойкости и героизму наших отцов, матерей, старших сестер и братьев.

А за окнами в зареве света,
Выше славы, дороже наград —
Их Дитя, их Война и Победа —
Их руками построенный Град.

Маргарита Агашина.

Во время учебы в Сталинградском педагогическом институте принимаю участие в «черкасовском движении» и работаю на восстановлении кинотеатра «Гвардеец».

***Анна Тарасова,
Анатолий Вековешников.***

Сталинградские дети

Отпущенный срок нами прожит почти:
Не дети, а внуки резвятся.
Но только все чаще начало пути —
Бомбежки фашистские снятся.

Припев:

Величие духа советских солдат
Спасенье несло всей планете.
Царицын зовется давно «Волгоград»,
А мы — сталинградские дети.

Метелью свинцовой косило и жгло,
Дома полыхали, как свечи,

И пламя горячей лавиной текло —
И негде укрыться и нечем.

Припев.

Такого нельзя и врагу пожелать —
Огня и смертельного воя,
Когда, как безумная, каждая мать
Детей закрывала собою.

Припев.

Теснее ряды! Чтоб грозить не могли
Ни войны, ни голод, ни стронций,
А жили, как братья, все люди Земли
Под ясным и ласковым солнцем.

Припев.

В Камышине и районе проживают 122 ветерана, на детскую долю которых выпало чудовищное испытание войной.

Дети военного Сталинграда стали взрослыми

Живут в Камышине, организовали добровольное общество «Дети военного Сталинграда», председателем которого много лет я являюсь.

2 февраля 1995 года. Встреча детей военного Сталинграда.

Дружной семьей собираются бывшие «дети» в дни знаменательных дат. О пережитом ими, о героизме солдат-защитников Сталинграда должно знать подрастающее поколение. Поэтому ветераны — частые гости в школах, училищах. Выступают по радио, публикуют статьи в газетах. Им посвящают стихи и песни.

Песня детей военного Сталинграда

Из детства, военного детства
Мы родом, где море утрат,
Где нет не горевшего места,
Поскольку сгорел Сталинград!

То детство не может быть давним,
Живет наяву и во сне,
С гореньем железа и камня,
И Волгой, кипящей в огне!

Где ночью светло от пожаров,
А днем от пожаров темно,
Где гибли и малый, и старый,
Нам было спастись суждено!

Судьба разметала нас вскоре,
Но хвалим ее колдовство:
Спаяло нас общее горе,
Победы святой торжество!

Как встрече друг с другом мы рады!
А в сердце спасенных ребят
И пепел того Сталинграда,
И новый живой Сталинград!

Своею судьбою красивы,
Не надо им громких наград,
Жила бы и крепла Россия,
С ней мы и родной Сталинград!

Василий Пантюхин.

Ни один город мира не выдерживал такого огненного шквала, как Сталинград

Выполнялась директива Верховного главнокомандования вермахта подвергнуть город воздействию «тяжелого оружия с тем, чтобы он потерял свое значение как центр военной промышленности и узел коммуникаций».

С июля 1942 года бомбардировки Сталинграда стали постоянными. А 23 августа началась массированная бомбардировка города, вызвавшая колоссальные разрушения. Несколько сотен фашистских самолетов произвели только в этот день **2000 самолето-вылетов. 105 советских истребителей** вели воздушные бои. В сражении участвовали все силы зенитной артиллерии. Только за один этот день зенитчиками было сбито **120 фашистских бомбардировщиков**.

24, 25, 26 августа воздушные бомбардировки продолжались.

С 28 августа по 14 сентября на Сталинград было сброшено 50000 бомб весом от 50 до 1000 килограммов.

Городу был нанесен огромный урон:

- было разрушено 309 предприятий города;
 - на заводе «Красный Октябрь» разрушено 660 сооружений, 15 мартеновских печей, 14 прокатных станов;
 - тракторный завод, который до войны выпускал по 300 тысяч тракторов, превратился в развалины;
 - все цеха и агрегаты ГРЭС получили повреждения;
 - разрушены 1237 километров главных и станционных путей, 2 депо, уничтожены 132 паровоза и 6402 вагона;
 - разрушены: 124 школы, 120 детских учреждений, 14 театров и кинотеатров, 2 цирка, 2 музея, 3 вуза;
 - уничтожены городской транспорт, связь, водопровод.
- Город и сельские районы области понесли колоссальный материальный ущерб — девять миллиардов рублей.

Чурсин
Геннадий Евгеньевич,
инженер по охране труда.

ДОРОГАМИ ВОЙНЫ

Мой отец, Евгений Федорович Чурсин, родился в 1912 году в бывшем еще Царицыне. Война в 1941 году застала его в городе Пружаны Брестской области, где он работал врачом при госпитале военного гарнизона. Мать, Анна Евелевна Соркина, окончившая Смоленский мединститут, работала вместе с отцом. В то время у них уже был двухгодовалый сын Володя.

21 июня в военном городке был устроен банкет. Мало кто понимал, для чего это было нужно, если никакого повода для этого не было. А утром 22 июня враг неожиданно напал на Советский Союз. В небе появились сотни самолетов, которые сбрасывали бомбы и поливали свинцовым дождем мирных жителей.

Люди в панике хватили детей и необходимое, что попадалось под руки и бежали к ближайшему лесу. Это был страшный миг того времени. Люди как подкошенные падали на землю, сраженные фашистскими снарядами. Кто бежал следом, подбирая детей и спешил укрыться в лесу. В тот день было много жертв, навечно оставшихся лежать на поруганной фашистами земле. Это была безжалостная «охота» на незащитных людей. Тех, кто остался в живых, отправили в глубь страны. Моих родителей направили в Сталинград. Маму, которая ждала второго ребенка, оставили в городе, где она работала врачом-терапевтом в поликлинике авиагородка и врачом военно-врачебной комиссии при горвоенкомате. Отца в связи с меняющейся обстановкой на фронте отправили в танковую дивизию и назначили на должность начальника эвакуационного

госпиталя. Мама осталась одна в те тяжелые и незабываемые дни, попав из огня в пекло.

Я родился в марте 1942 года. А через четыре месяца началась Сталинградская битва. Мама работала с утра до вечера. В результате напряженной работы и пережитого раньше, у нее пропало материнское молоко, которое было нужно для меня, грудного ребенка. Чтобы спасти меня, она меняла свою положенную мерку спирта и некоторые личные вещи на молоко и манку, что удавалось с большим трудом. Я постоянно плакал от голода и рос слабым ребенком. Иногда приходилось маме брать меня на работу, но чаще я и мой трехлетний брат оставались на попечении знакомых.

В августе положение в Сталинграде еще больше ухудшилось. Фашистские самолеты без конца делали налеты и бомбили город. Однажды, когда объявили воздушную тревогу, мама прибежала, чтобы взять нас в бомбоубежище. Она успела взять меня из кровати и добежать до убежища. Началась бомбежка. После отбоя мама решила вновь положить меня в кровать, и застыла от ужаса. Там лежал большой осколок снаряда. Ей стало страшно от мысли, что, не взяв меня вовремя, она могла бы потерять сына навсегда.

**Мой отец
Евгений Федорович.**

Мама — Анна Евелевна.

Об этих страшных событиях в Сталинграде мама писала отцу на фронт. Это письмо из далекого 1942 года я до сих пор храню как память о тяжелых днях, пережитых моей мамой во имя спасения своих детей и людей, нуждающихся в ее помощи.

После войны отца направили в Камышин, назначив начальником спецгоспиталя для военнопленных. В семье появился третий ребенок — дочь Елена.

После расформирования спецгоспиталя отец ушел на гражданскую работу в звании майора медицинской службы. Он был заведующим больницы, заместителем главного врача больнично-поликлинического объединения, главным врачом венобъединения. Имел три печатные работы. За заслуги перед Родиной награжден орденами Красной Звезды и Отечественной войны первой степени, двенадцатью медалями. Являлся отличником санитарной обороны СССР.

Мать была капитаном медицинской службы. За участие в войне и самоотверженный труд награждена орденами Красной Звезды и Отечественной войны первой степени, семью медалями. В Камышине работала в госпитале терапевтом, позже в больнице № 1, а также заведующей терапевтическим отделением. Была наставником многих камышинских врачей. Как высококвалифицированный терапевт, часто консультировала больных в других стационарах города. В числе лучших врачей области была делегатом Всероссийского и Всесоюзного съездов терапевтов. Ей присвоено звание «Отличник здравоохранения СССР».

Династию врачей наших родителей продолжила дочь Елена, ныне Кондратьева Елена Евгеньевна, заведующая отделением Камышинского тубдиспансера. Два сына сестры — Руслан и Игорь решили продолжить династию врачей и учатся в медицинском университете Волгограда.

Я не унаследовал от родителей специальность врача, но считаю эту профессию самой необходимой, благородной и ответственной: спасать жизни людей в любых условиях и ситуациях.

Память о военном Сталинграде

Что за тучи над страной собираются?
Что за нечисть ползет по земле?
То фашистские орды надвигаются,
Рвутся к матушке Волге-реке.

На пути к ней твердыня могучая —
Сталинград перекрыл к Волге путь.
И сыны нашей Родины лучшие
Под огонь злой подставили грудь.

День менялся на ночь непросветную,
С неба сыпался бомбовый град,
Но крепка была сила ответная,
Не сдавался в огне Сталинград.

И слилось все в силу единую,
В силу чистую, благородную,
В силу мощную, непобедимую,
В силу русскую и всенародную.

Трудно было в годину великую
Выдержать натиск фашистской чумы,
Но сломили мы силу дикую,
И к великой Победе пришли.

Слава тем, кто за город сражался,
Жизнь отдал за наш Сталинград.
Слава тем, кто в живых остался,
Кто прошел через этот весь ад.

Г. Чурсин.

**Еременко
Лидия Федоровна,
инженер-технолог
Камышинских
электросетей.**

РОЖДЕННАЯ ПОД БОМБЕЖКАМИ

Я появилась на свет на рассвете 15 сентября 1942 года в уже разрушенном и горящем Сталинграде. Бомбежки продолжались до сентября. Мои родители жили в бараке (так назывались жилые деревянные постройки). От бомбежек укрывались в убежище. Когда маме стало плохо, женщины повели ее в барак, где можно было разжечь печку и нагреть воды. Врачей рядом не оказалось, а госпитали давно эвакуировали.

Когда я родилась, меня обмыли, завернули в тряпки и положили на теплую печку. Дым из трубы заметил фашистский летчик. Сброшенная им зажигательная бомба угодила в барак. Начался пожар. Женщины бросились к убежищу. На глазах у мамы рухнула стена барака. В надежде, что ребенка взяли в укрытие, мама поползла к нему то же. Но когда выяснилось, что ребенок остался лежать на печке, одна бабушка, набросив на себя мокрое одеяло, побежала спасать меня. Едва успела взять на руки и выйти на улицу, как барак рухнул. Это стало моим вторым рождением.

Регистрировать рождение ребенка в тех условиях было нелегко и некому. Отец и мать работали на заводе «Баррикады», их направили в эвакуацию с предприятием в г. Медногорск Оренбургской области. Переправлялись через Волгу под падающими бомбами. Сформированный состав с людьми отправился на Урал. На одном из разъездов поезд сильно бомбили.

В Медногорск прибыли в декабре 1942-го. Там, наконец, и зарегистрировали мое существование в этом мире.

Губина

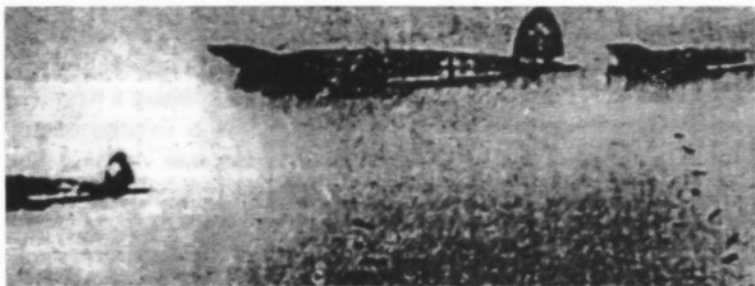
**Надежда Панкратьевна,
ветеран труда
железнодорожного
транспорта,
малолетний узник
концлагерей и гестапо.**

НЕ ЗАБЫТЬ НИКОГДА...

Моя родина — Сталинград. Я там родилась, училась. Наша семья проживала недалеко от Красных казарм. Внезапная война нарушила наши мечты, планы, обрекла на страшные страдания.

В тот день, когда началась неожиданная и сильная бомбардировка города, я с подружками ушла на бахчи в районе аэродрома. Находясь вдали от дома, не имея убежища, мы стояли под открытым небом и с ужасом наблюдали, как от фашистских самолетов отрываются и со страшным свистом падают на город бомбы. Единственным нашим спасением были кусты. Напуганные происходящим, мы бежали домой, прихватив бидончики с пасленом и махнув рукой на приготовленные арбузы и дыни.

Фашистские самолеты бомбят Сталинград.

Во дворе дома меня ждало новое переживание. Вместо него я увидела печку с трубой, одиноко торчавшую посреди двора. В овраге мы вырыли пещеру, которая стала служить убежищем для мамы и нас, трех сестер.

Однажды от сильных взрывов пещера не выдержала, и нас завалило. Хорошо, что успели откопать соседи. Маму ранило в живот, и она сильно болела. А я с подругами бегала в поисках еды. Около мельницы набирали обгоревшие зерна. У разбитой кондитерской фабрики обнаружили яблочное пюре. За водой ходили на Волгу. Такие поиски стали трудней, когда в округе объявились немцы. Порой воду до своих мы не доносили, так как немцы по дороге отбирали ее и с угрозой заставляли идти вновь за водой.

Мы решили уйти из Сталинграда. Не успели дойти до Калача, но здесь уже были немцы. Они грузили свои танки на понтонный мост, переправляя их через Дон, а людей ставили рядом вместо заградительного щита. Наши самолеты бомбили фашистские танки. Много их было потоплено, но и гибли люди.

Нам удалось вылезти наверх и добраться до Чира. Но здесь нас ждало новое испытание. Фашисты загоняли людей в товарные вагоны до отказа, так, что можно было только стоять. Дышать было нечем. Открытое маленькое окошко не могло нас выручить.

По дороге поезд бомбили, нам удалось убежать в лес. Без пищи долго продержаться в лесу было невозможно, и мы отправились к жилью. С сестрами мы давно растерялись, а с мамой опять оказались около железнодорожной станции, где все повторилось сначала. Грязные товарные вагоны везли нас в Белую Калитву. Там мы жили на птицеферме в птичниках. Людей было много, почти не кормили, и многие стали умирать, не выдержав нечеловеческих условий.

Немцы решили, что началась эпидемия тифа, и стали поджигать жилье. Немногим удалось тогда выжить. А тех, кто выжил, полицаи отправили на станцию Лихая и стали распределять по шахтам. Взрослые кололи уголь, а я, двенадцатилетняя девчонка, вместе со своими сверстниками вози-

ла уголь в вагонетках. В день нам давали по стакану овса и стакан ячменя. Варить было негде, и мы все это жевали в сыром виде. А когда мама заболела, и нас подняли из шахты, я ходила по поселку и просила милостыню.

Наконец, мы услышали хорошую весть: Сталинград освободили от немецко-фашистских захватчиков. Мама была прикована к постели, и я одна отправилась домой. Там мне удалось встретиться с сестрами, а позже перевезти туда и маму.

Пленные немцы восстанавливали железнодорожный вокзал, а мы, жители города, откапывали и собирали трупы мирного населения, наших солдат-защитников Сталинграда и трупы врагов.

Исполнилось шестьдесят лет Сталинградской битве. В памяти моей навсегда останутся незабываемые далекие дни военного лихолетья...

**Карасева
Мария Артемьевна,
ветеран труда,
почтовый работник,
труженик тыла.**

ЭХО ВОЙНЫ

Я часто вспоминаю о незабываемых событиях военного Сталинграда. Об этом рассказывала сыновьям, внукам, а теперь и правнукам.

После окончания седьмого класса в 1941 году мы, молодые девчонки, были очень счастливы. Думали, мечтали о дальнейшей учебе и радостной жизни. Я решила учиться на бухгалтера. Наша семья была немалая: родители и четверо детей. Работал один отец, с питанием было туговато. Но разве это меня тревожило, если в жизни была определенная цель и широкая дорога в будущее. Только война, неожиданно ворвавшаяся в жизнь людей, нарушила мои планы и надежды.

В 1942 году враг подошел к Сталинграду. Но в городе работали еще кинотеатры, а я уже заканчивала курсы бухгалтеров. 24 августа мне нужно было сдать последний экзамен по бухгалтерскому учету и получить документ об окончании курсов. Накануне этого ответственного дня, 23 августа, я увидела громадную тучу фашистской авиации, приближающуюся к городу. Смертоносный груз градом рухнул на заводы, фабрики, вокзал, железную дорогу и на наши жилые кварталы.

Тогда сразу трудно было понять, что происходит. Но это «что-то» было таким ужасным, что вся наша семья бросилась к спасительному убежищу. Земля содрогалась, крыша убежища двигалась, мы задыхались от земляной пыли. Раздирающий плач детей, испуганный крик мамы, взрывы бомб, вой пикирующих самолетов, треск горящего жилья слились воедино. Казалось, что наступил конец света. Самолеты, сбросив бомбы, улетали, чтобы вновь заправиться смертоносным грузом, и

новая туча приближалась к городу. Когда наступала тишина, то люди из убежищ бежали к тоннелю под насыпью железнодорожного полотна, где текла вода речки Царицы.

Без воды выжить было невозможно, но еще хотелось есть. В то время уличные комитеты выдавали справки на получение в магазине хлеба. Я, как самая старшая в семье, решила отправиться за хлебом. Уже добежала до улицы Сурской, как город опять начали бомбить. Дальше до магазина добиралась ползком, прячась в уцелевших строениях. Вот и магазин, а хлеба нет. Только тогда поняла, как рисковала своей жизнью, и стало обидно и страшно возвращаться к семье с пустыми руками. С горечью и досадой стала ползти обратно. Но вдруг увидела лошадь с повозкой, груженной хлебом. Тут же пропал страх, радость и надежда помогли подняться с земли и вновь бежать к магазину. Хлеб получила на всех членов семьи и даже соседям. Ползком добиралась до дома и притащила мешочек добытого хлеба, чтобы раздать положенные пайки и накормить всех. До сих пор помню запах и вкус того хлеба.

Однажды к нам во двор забежали солдаты худые, грязные, голодные, с одной винтовкой на троих. А за ними шли немцы в полный рост с рукавами, засученными до локтей, и с автоматами в руках у каждого. В нашем дворе завязалась рукопашная схватка. Силы были неравные. Нашего лейтенанта фашист ударил в грудь ножом, солдат расстреляли. Мы в жутком страхе сидели в убежище. Но дошел черед и до нас. Немцы выгоняли из убежища мирное население и направляли за железнодорожное полотно. Пока мы собирались с соседями, прихватив необходимые теплые вещи в дорогу, начался обстрел. Во дворе раздался оглушительный взрыв от разорвавшейся бомбы. Меня завалило, контузило и я стала терять сознание. Как во сне услышала душераздирающие крики людей. Надо мной склонилась плачущая мама. Я была ранена в руку и ногу. Тут маму позвали в летнюю кухню. Там находились мой брат Федя и его друг Петя со своими родителями. Большой осколок угодил Феде в голову, и он, не приходя в сознание, умер. Пете оторвало руку и ногу. Он был в сознании и просил о помощи, но оказать ее никто не смог.

Через полчаса не стало и Пети. Его отца сильно ранило в грудь. Эта трагедия произошла 27 сентября 1942 года. В этот день двух мальчиков, тринадцатилетнего Федора и пятнадцатилетнего Петра, мы похоронили в глубокой воронке от бомбы, а сами ушли с потоком жителей города. Мама несла годовалого Юру, за ее подол держался пятилетний Виктор, а у меня сильно болели рука и нога и трудно было идти.

К ночи дошли до совхоза имени Микояна, переночевали в разбитой мазанке, а утром 28 сентября шли по большой дороге в огромной толпе мирных жителей к Калачу. Эта колонна пожилых людей, женщин с многочисленными детьми разных возрастов растянулась на несколько километров. Шли по оккупированной фашистами земле, проходили села и хутора. У станции Нижний Чир попали в лагерь, где шел отбор в Германию. Именно здесь немецкая медсестра оказала мне медицинскую помощь, сделав перевязку.

На станции Нижний Чир людей из Сталинграда сажали на открытые платформы и отправляли в Белую Калитву. По дороге, когда поезд остановился, мы и многие другие убежали в степь. А впереди нас ждали новые испытания: не было жилья, страдали от голода и холода. На плантациях собирали замерзшие листья капусты, ходили по селам просить милостыню.

Наши войска пошли в наступление, мы радовались, встречая своих солдат, радовались их стремительному натиску. Вскоре мы уехали в Морозовск Ростовской области, а в марте 1943 года вернулись в Сталинград. Но жить в городе не стали, так как мама не могла забыть погибшего здесь сына Федю. Жили в одной из деревень Ольховского района, а позже переехали в Камышин, где проживали родственники.

Война помешала мне стать бухгалтером. Но, попав в Камышин, я поступила в Сталинградское эвакуированное учреждение связи, в бюро контроля переводов и посылок. Была, как и многие в то время, внимательной и усидчивой в работе. Участвовала в стахановском движении, работала бригадиром комсомольско-молодежной бригады. Выполняла многие общественные нагрузки, была награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 г. г.».

Пономарев
Алексей Дмитриевич,
ветеран труда,
начальник авторемонтной
мастерской автобазы № 6.

ТРУДНЫЙ ПУТЬ ДОМОЙ

В Сталинграде я успел закончить только шесть классов, когда начались бомбежки города. Во дворе нашего дома вместе с отцом построили бомбоубежище. День 23 августа забыть невозможно: огромное количество фашистских самолетов со смертоносным грузом закрыло солнце, а на город посыпался град бомб. В нашем частном жилом секторе появились первые жертвы. Осколком был убит сосед. Мой отец, сын соседа и я выкопали ему могилу в их дворе. Через дом от нас около убежища упала бомба, где находилась семья из пять человек. Мать с двумя детьми оказались погребенными заживо. Отца с малым ребенком удалось откопать. Погиб и мой школьный товарищ Саша...

С каждым днем жертв от вражеских бомбардировок становилось все больше. Начались проблемы с питанием и водой. В одном из оврагов из трубы шла вода, вот туда мы и ходили за ней с большим риском для жизни. Однажды при мне от прямого попадания осколка в грудь погибла молодая женщина. Было страшно и невыносимо обидно. За что нам выпали такие страдания?

Люди гибли и рождались одновременно. 2 сентября 1942 года в нашей семье на свет появился мальчик — мой брат. Он родился в темном бомбоубежище во время сильной бомбежки.

Однажды мы услышали немецкую речь. В бомбоубежище заглянул фашист с автоматом. Его интересовало, есть ли среди нас мужчины? Отца в это время с нами не было, и фашист оставил нас в покое.

Кушать было нечего. Фашисты все отбирали. Вскоре все население они стали выгонять из убежищ и гнать в Германию. Мы тоже покинули город. Однажды на мотоцикле подъехали два немца, осмотрели наши пожитки, ткнули мне в грудь пальцем и спросили: «Партизан?» Убедившись, что мы для них не опасны, уехали, не причинив нам вреда.

Мы благополучно добрались до Гумрака, где проживали наши родственники. Поселок уже был наводнен немцами.

С родственниками нас оказалось восемь человек. Решили идти дальше. На дороге нас заметили фашисты, посадили в машину и отвезли в селение, где находился лагерь, огражденный колючей проволокой. В основном здесь были женщины, старики и дети из Сталинграда. Нас никто не охранял и не кормил. Я с двоюродной сестрой Аней ходил по немецким помойкам, выбирая все то, что еще годилось для употребления в пищу.

Через несколько дней немцы вывезли нас на железнодорожную станцию Нижний Чир. Здесь была хорошая охрана и шел отбор людей. Из этого лагеря выпускали только стариков, женщин и детей в возрасте до двенадцати лет. Меня хотели здесь задержать, но я умышленно снизил свой возраст на год.

Выпущенных из лагеря людей сажали в товарные вагоны или на открытые платформы. Нам не хватило места. Мы отошли подальше от железнодорожного полотна и заночевали в поле. Ночью станцию бомбили. Около платформы, на которую мы не сумели сесть, лежало много убитых стариков, женщин, детей.

В этот же день всех оставшихся в живых погрузили в товарные вагоны и повезли в сторону Ростова. Вагоны были переполнены. Потом нас опять высаживали и опять везли. Так мы добрались до хутора Верхний Кольцов и прожили там всю осень и зиму. Перебирали горевшую пшеницу и варили из нее кашу, дети ходили просить милостыню.

В конце 1942 года началось отступление немцев, а в начале января 1943 года в хутор Верхний Кольцов вошли наши солдаты. Уже в марте мы решили вернуться в Сталинград.

Арзянцев
Александр Сергеевич,
ветеран труда,
инженер-конструктор.

ИСПЫТАНИЕ НЕ ПО ВОЗРАСТУ

Годы неумолимо мчатся вперед. Но военное время, время беспокойного детства, которое застало нас, очевидцев Сталинградской битвы, в пекле города, забыть невозможно. С годами воспоминания не только не стираются из памяти, а наоборот обрастают новыми подробностями.

В Сталинграде наша семья из пяти человек проживала в Тракторозаводском районе в Горном поселке. Наш дом находился на окраине поселка, рядом были бахчи. А дальше на спуске с горы стояла зенитная батарея. Из окна нашей квартиры было видно, как зенитки вели огонь по вражеским самолетам. Отец, Арзянцев Сергей Павлович, имел бронь, и работал в тресте «Югсантехмонтажстрой» электросварщиком. Управление НКВД его направило на строительство командного пункта в откосе реки Царицы. В дни битвы в этом укрытии находился штаб Сталинградского фронта. На данном объекте отец работал до конца его строительства, а затем ушел на фронт.

Во время бомбежек наша семья укрывалась в погребе сарая. В те ужасные дни в каждой семье были потери и несчастья. Нашу маму ранило в ногу.

В воскресный солнечный день 23 августа 1942 года вдруг наступило необычное затишье. Люди вышли из надоевших укрытий, дети воспрянули духом, вспомнив довоенные игры. Безоблачное небо радовало. Я и друг Витя решили пойти за

водой на Волгу. Взяли котелки, подаренные солдатами. И никто не знал, что этот день станет днем скорби и траура. Мы шли, радуясь теплу, подставляя лица яркому солнцу. Но вдруг услышали страшный гул самолетов и увидели огромную тучу фашистской авиации, приближающуюся к городу. Сразу померкло солнце, нас охватил страх. И прежде чем мы успели опомниться, на землю посыпался град бомб.

В ужасе, взявшись за руки, мы повернули к своему жилью. Невообразимый грохот и треск заставили бежать еще быстрее, и я все крепче сжимал Витину руку.

Рядом раздался сильный взрыв. На мгновение почувствовал, что бегу один, Вити рядом не было. Как в кошмарном сне, бросив оторванную Витину руку, я бежал, не чувствуя земли. Едва успел добежать до сарая. Воздушной волной меня швырнуло внутрь его, и я потерял сознание. Нам с Витей в то время было по десять лет.

Когда очнулся, то услышал крики и стоны людей, гул самолетов, раздирающий свист бомб и их взрывы, сотрясающие землю. Вражеские самолеты шли волна за волной. В наш кирпичный дом попала фугасная бомба и он был разрушен.

Трудно теперь вспомнить, сколько времени длился этот кромешный ад. Но наступил час, когда самолеты, спустив на город весь свой смертоносный груз, наконец улетели. Люди стали выходить из укрытий. Жилые дома превратились в руины и пепел, горели деревянные постройки. Около нашего разрушенного дома лежали трупы убитых лошадей. Люди кинулись растаскивать конину. Я с семнадцатилетней сестрой Наташей тоже принесли трофейный кусок мяса, который потом долго варили на костре.

Трагедия, происшедшая с Витей, меня мучила и во сне и наяву. Я потерял дар речи, увидев Витину маму. В тот день погибло много наших соседей и знакомых. А нас, выживших, стал мучить голод. Мой трехлетний братишка Юрий все время плакал и хотел есть.

Бомбежки города и артиллерийские обстрелы вскоре восстановились, что осложнило поиски пищи. Я вынужден был

выходить из погреба и бегать к красноармейцам, которые держали линию обороны уличных боев из подвалов разрушенных домов. Они делились с пацанами-подростками чем могли. Это были кусочки сухарей и сахара. Иногда перепало немного и супчика. Мой голодный младший брат ждал меня с нетерпением. Бегал я на бахчи и огороды собирать остатки урожая.

Однажды разбомбило телегу с рожью. Я собрал в котелок обгоревшую рожь, рассыпанную по земле. Так мы выживали. Но бегать в поисках пищи было опасно. Вражеские самолеты с низкой высоты расстреливали людей.

Как-то под такой обстрел попал и я. Удалось упасть на землю и прижаться к разрушенной стене, а потом быстро доползти до укрытия.

4 октября 1942 года на территории Горного поселка появились немецкие солдаты и вошли танки. Мы оказались в оккупации. Фашисты выгоняли жителей из всех укрытий. Люди брали необходимые и чудом уцелевшие пожитки и покидали разрушенный и сожженный Сталинград.

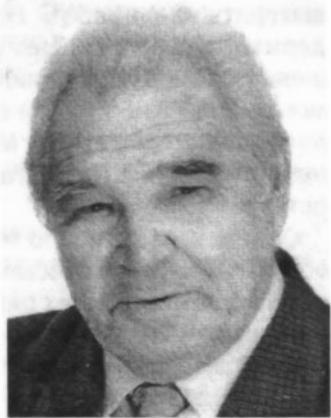
Мать собрала вещи в узлы, уложила на тележку, посадила младшенького Юру и мы пошли со всеми к Орловке Городищенского района. Идти было трудно. Мы все были истощенные от недостатка пищи.

Ночевали в поле на сырой земле и вновь шли. Было уже холодно. Мать ходила по селам, меняя одежду на хлеб и пшено. Так мы дошли до станции Чир, где скопилось много беженцев. Немцы людей сажали в товарные вагоны и везли на запад.

На Украине охрана была снята, и люди стали разбегаться. Мы тоже покинули поезд и оказались на станции Звенигородка Черкасской области, где семья прижилась и после войны.

Я после демобилизации из армии в 1954 году вернулся в Сталинград. Закончив механический институт, работал инженером в конструкторском бюро на заводе «Баррикады». Прожил в Волгограде до 1992 года и переехал жить в Камышин.

**Воробьев
Владимир Николаевич,**
*ветеран труда,
бывший педагог,
член Союза
журналистов России.*

СВЕТ РОДИМЫХ ОКОН

В январе победного года

Когда вдруг окажешься в местах, особо памятных с детства, как говорится, пиши все пропало. На каждом шагу преследуют тебя воспоминания, да не простые, а требующие — с высоты десятилетий — осмысления. И прочно возвращают тебя в прошлое слова одной старой песни об отчем крае:

Близко ли, далеко — свет родимых окон
Вечно не померкнет для меня.

Минувшей зимой не раз привелось, идя через городской парк комсомольцев-добровольцев, побывать возле того самого места, где долгие годы находилась могила полковника Федора Федоровича Федорова (1900–1945), начальника Соликамского танкового училища, дислоцировавшегося в Камышине несколько лет с осени 1944-го.

Еще вовсю полыхала и гремела Великая Отечественная, еще Камышин–труженик жил по закону «Все для фронта, все для победы...». И похороны начальника такого крупного военного училища, каким было Соликамское, стали главным событием в городе январским днем в сорок пятом году...

А январь победного года выдался на редкость многоснежным. В Камышинском городском парке (у него тогда названия не было) снежный наст был взрослым выше колен, а мне, тринадцатилетнему пацану, и моим друзьям снега было по пояс. Я не шел со взрослыми за гробом в колонне по городу и парку, но знал, где открыта могила полковнику-танкисту, скоростижно скончавшемуся после приезда поездом из Москвы. Я взобрался

на высокое дерево, заснеженные ветви которого опускались к свежевырытой земле... Чтобы все видеть и слышать!

Начальника танкового училища хоронили с воинскими почестями — как павшего в бою воина Красной Армии. Гревели залпы из карабинов, когда гроб опускали в могилу. Все делалось как надо и четко. Говорили и разные прощальные слова, которые я, естественно, теперь не помню. Похоронили офицера в центре городского парка, у перекрестка аллея, конечно же, не случайно, а в честь заслуг Федора Федоровича в ратном труде во имя свободы Отчизны: вверенное ему училище ковало кадры для танковых подразделений на заключительном этапе Великой Отечественной. Кратко надо сказать, полковник Федоров был в военном Камышине не второстепенной фигурой...

Когда средние и тяжелые танки, а также САУ (самоходные артиллерийские установки) шли с учений по улице Революционной, где мы тогда жили, к танкодрому (а он размещался

Июнь 1941 года. Перед уходом отца на фронт.

на территории стадиона «Авангард»), то вся земля у домишек просто тряслась, а деревянные домишки прыгали в разные стороны и тонули в песчаной буре и мгле, оттого и солнце, как правило, пропадало. Шла самая грозная, самая страшная сила для коварного врага. И ее слал вместе со всеми городами страны его величество Камышин. (А я уже тогда прочитал, кстати, несколько книг по истории производства танков, изданных в Москве).

Только во второй половине сороковых годов Соликамское танковое было переведено в Краснодар, а затем, наверное, в 1949-м, в Петропавловск–Камчатский. Отец девочки, с которой я дружил в пятом классе, в этом самом училище находился на партийной работе. Семья его (Петра Константиновича) проживала в самой большой комнате нашей трехкомнатной квартиры на улице Революционной, дом 3, который хорошо сохранился. И можете себе вообразить, что свою первую школьную подружку я через газеты все же разыскал в 1994 году и встретился с ней в Донецке... Через сорок пять лет после отъезда семьи Петра Константиновича из Камышина! Жаль, что не дожили мои родители до такого события — вот подивились бы! Попробуйте теперь не согласиться, что детство — целая полоса человеческой жизни.

А годы, словно неукротимые кони, неслись, не останавливаясь на станциях выдающихся времен. Окончив университет, я начал учительствовать в родном городе. И, как все молодые, продолжал ходить на танцы в городской парк. Могила полковника Ф. Ф. Федорова оказалась теперь неподалеку от танцевальной веранды, выглядела она уже анахронизмом, стала явным диссонансом. Потому-то жена покойного перенесла прах мужа, как говорили, в один из городов Украины. Могила была всегда ухоженная, очень красивая. Кто знает, где теперь она, могила Федора Федоровича? Мы, дети войны Камышина, запомнили этого человека по удивительному совпадению в имени, отчестве и фамилии — такая редкость в русском языке! Запомнились похороны известного тогда человека.

Послесловие. Этому рассказу предшествовало небольшое мое выступление по Камышинскому радио, где сотрудничаю, кстати, со школьных лет. После него мне звонили три раза. Первым — бывший курсант Соликамского танкового училища Василий Иванович (фамилию свою не называл). Он сказал, что тот день, когда хоронили начальника училища, помнит очень хорошо, хотя в похоронах участия не принимал: был назначен дневальным в казарме, в которой провел весь день. Василий Иванович подтвердил мое предположение о причине скоропостижной смерти полковника Федорова — тиф (в моем рассказе об этом не говорилось). Да, Федор Федорович заразился им в вагоне, когда ехал в Камышин. Да, обыкновенная тифозная вошь стала равнозначной фашистской пуле. Именно она и унесла жизнь человека, занимавшего столь важный в то время пост.

Второй звонок был тоже от ветерана Великой Отечественной войны, который подтвердил сведения, сообщенные Василием Ивановичем. Третий звонок был от ветерана камышинской журналистики Надежды Максимовны Улизко, работавшей в редакции газеты «Ленинское знамя» и на городском радиовещании. Она отлично помнит, что именно по указанной мной причине умер начальник Соликамского танкового училища. Сведений, куда был перенесен прах полковника-танкиста, она, к сожалению, не имеет. Вот и все, что хотел рассказать об этом. Остается добавить теми же стихами, слегка переиначив их:

Близко ли, далеко — свет родимых окон
Видите, не меркнет для меня...

Послужить могу еще на славу...

Эта фотография С. Романюка, напечатанная минувшей зимой в «Диалоге», произвела на меня невероятно сильное впечатление, как будто бы я прочитал интереснейший материал из истории военного Камышина. Дело в том, что я как бы увидел на этом снимке самого себя летом 1941-го в огромной толпе, стоявшей на этом самом месте, против здания, откуда снимал фотокорреспондент.

В тот день уже начавшейся войны пришел в Камышин первый эшелон с ранеными красноармейцами и командирами Красной Армии... Да, я видел лица воинов 41-го, раненных в первых жестоких схватках с врагом. Их везли на лечение в наш город на грузовиках. И этих сцен, как и весь тот тревожный день, мне никогда не забыть. Именно поэтому снимок Романюка произвел на меня неизгладимое впечатление: тут жизнь сама заговорила в нем, точнее, мое детство. Я купил несколько экземпляров «Диалога». И сейчас, работая вот над этой статьей, с огромным творческим удовлетворением прилагаю фото вот к этому моему рассказу. Святая нашего города История! Только жаль одного: большинства взрослых, помнящих тот грозный и необычный день для камышан, уже нет в живых. Но пусть останется навсегда и вот эта память: первый эшелон, первая встреча защитников Отчизны в военном Камышине. Эшелон пришел с теми, кто уже был в самом деле, как раньше говорили, в самом пекле боев, для кого наш город становился родным домом... Воистину,
Близко ли, далеко — свет родимых окон
Вечно не померкнет для бойца.

Я отношусь к числу тех старожилков, которые, как это ни парадоксально, отлично помнят все сцены и картины жизни военного Камышина с первого дня войны до последнего, 9 мая 1945 года. Такая вот память, не совсем обычная. И каж-

дый эпизод ли, картина или сцена могли бы послужить основой большого рассказа. Очень яркие храню воспоминания о том, как я узнал, что началась война, когда ранним утром 22 июня приехал с приятелем отца с рыбалки в Соленом затоне (той весной крупная сельдь шла такими косяками, что вся обозримая волжская вода аж кипела). Как ходили с мамой в июньские дни провожать отца на полковом дворе, что был тогда за базаром.

Особенно помнятся ночные бомбардировки Камышина, когда все жильцы нашего дома на Революционной прятались в большой подвал, а мы выбегали часто из него, чтоб смотреть на освещаемое прожекторами небо нашего города... Много всплывает постепенно: жизнь не стояла ведь.

Я писал не раз, как летом 1943-го на станции Привольская Приволжской дороги мы провожали отца на фронт. На станции я носил курсантам в вагоны воду. Несколько эшелонов отправлены были в тот день: немцы прорвали фронт под Воронежем, и курсантов бросали в ту брешь.

Помнятся, как сегодня, ночные часы, когда нам, жившим осенью 42-го в Терновке, не давали спать урчавшие советские танки, шедшие ночами напролет через село к волжской переправе: готовилось контрнаступление под Сталинградом.

И как будто бы вчера, ярче всех дней, — день великой Победы в Камышине, когда мы с друзьями весь праздник провели на ликовавших улицах. Открою здесь один секрет: мы со своей компанией в День Победы впервые в жизни пили прекрасное домашнее вино. Целую четверть его подарила нам мать моего друга детства. Это был, кажется, самый теплый солнечный день, будто ликовала весна! Мы ходили весь день в одних рубашках. На небе — ни облачка. А детский парк в те дни встречал каждого густой зеленой листвой, в которой не видно было человека. 9 мая стало апогеем тогдашней истории и той неповторимой весны. Кажется, никто из камышан не усидел тогда дома. Вышли на улицы нарядные, веселые и радостные. Слышались песни, гармошки. Народное гуляние и ликование! Прямо сказать, перебирая дни, памятнее не найти. Дети отлично понимали, что происходит!

Но было и то, что омрачало праздник, напоминало о беде и грязи. Мне пришлось быть свидетелем страшной драки двоих молодых мужчин. И разборка у них закончилась настоящей поножовщиной в присутствии толпы зевак. И почему-то никакой милиции не было, а дрались они, обливаясь кровью, в самом центре города

Январь 1945 года. Счастливая, невозвратимая пора детства.

**Мне — двенадцать лет,
моей сестре Гале — пять.**

да — на улице Октябрьской (бывшей Саратовской). Я долго смотрел на драку. Но об этом, конечно же, никогда печатно не вспоминал. Военные годы, Великая Отечественная шли не под фанфары. Во всех отношениях то было тяжелое время, чего только не бывало, и жестокости хоть отбавляй...

У каждого из нас, людей моего поколения, свои воспоминания. В том доме, где сейчас служебные помещения типографии, жил начальник эвакогоспиталя Улановский. Его дочь училась в нашем классе средней школы № 1. Довелось мне однажды побывать в одной из комнат квартиры Улановских на дне рождения своей одноклассницы. Запомнилось хорошее по тому времени угощение. Так что могу с гордостью сказать теперь, что я среди работающих в этом доме — самый первый старожил. Нет теперь никого тут старше меня. И если кого-то заинтересует что-то по истории Камышина военных лет, обращайтесь с вопросами ко мне — хранит моя память и то, о чем говорили между собой взрослые в те годы. Память моя хорошая — зрительная, слуховая, всякая. Ею служу вам еще на славу, как видите...

**Кудеркина
Валентина Александровна,
ветеран труда,
бывшая учительница
средней школы № 3.**

КАМЫШИН ПРИФРОНТОВОЙ

Родина и природа... Глубоко символично, что у этих слов один корень. Для многих из нас емкое понятие Родины неразрывно связано с домом, где ты родился и вырос, с речкой, на берегах которой прошло твое детство, с роццей, посаженной

вместе с друзьями за околицей. Да, все это было со мной: одно вспоминаешь с любовью, другое — просто жутко вспоминать. И все-таки это я вспоминаю при беседе со своими детьми, а особенно при беседе со своими внуками, которые часто задают вопрос: «Бабушка, а в Камышине были немцы? Ты их видела?» Нет, я войны как таковой не видела, но отдельные эпизоды из моей жизни (в определенное время) часто встают у меня перед глазами.

Когда немцы подошли к Сталинграду, где шли ожесточенные бои, Камышин стал одним из главных городов, куда привозили раненых из-под Сталинграда. Я тогда училась в четвертом классе. И каждый ученик мечтал в то время о том, чтобы принести Родине какую-то пользу. Вот мы в определенные дни, в неуточное время, ходили в госпитали, а их в Камышине было очень много. Наша железнодорожная школа № 46 была прикреплена к госпиталю, размещенным в школе № 2, в здании реального училища (теперь школа № 4). Мы ходили туда с концертами, а по воскресеньям ходили в госпиталь за бинтами, которые были все в крови, грязные. Мы их дома кипятили, гладили, сворачивали, а потом снова относили в госпиталь.

Сердце сжималось от боли, когда видели тяжело раненых. За некоторых приходилось писать письма домой. Слезы наворачивались на глаза, когда они, раненые, мечтали снова вернуться в строй, бить врага до последнего вздоха. Мы верили им. А своим посильным трудом приносили пользу...

В один из дней наш класс решил дать раненым в госпитале концерт. Представьте себе, мы, четвероклассники, со своими номерами пришли в одну из палат, где лежали солдаты. Я с Валею Краснобаевой пела песню «Провожала мать сыночка». Беда в том, что я не помню автора этих слов. И вот после исполнения один солдатик, у которого были забинтованы глаза, достал из-под подушки носовой платок, который, по всей вероятности, подарила ему его девушка, и подарил его мне.

Как мне был дорог этот подарок! Я его долгое время хранила, а потом внуки забрали его... Как приятно вспоминать то время, а особенно тех солдатиков, для которых «Родина» была все, и это так. Если нам, мальчишкам и девчонкам, было страшно смотреть на раненых, то каково же было им там, на передовой, в пекле огня? Я не видела этого, в Камышине не было боев, но один случай потряс меня, и для меня слово «война» стало чем-то ужасным и страшным, когда хочется сказать, чтобы этого больше не повторилось!

Это случилось, когда советские войска разгромили немцев под Сталинградом. Во время налета на Камышин одна из бомб

Девочки-подружки, ученицы пятого класса (я — вторая слева). По нынешним временам еще дети, но уже помогали взрослым в госпиталях, понимая, что в военное время наша помощь необходима.

Учась в железнодорожной школе № 46, мечтала стать учителем, поэтому со временем поступила в Сталинградский педагогический институт.

это. Нам было страшно смотреть на Волгу с берега. А каково же было ему? И когда он приехал домой, мы его спросили: «Папа, страшно было?» «А как вы думаете? — говорил он. — Конечно, страшно!»

Все это мы видели своими глазами и переживали за свой город, за раненых, гордились за тех, которые ковали победу в тылу врага. Такое тоже не забывается, да и забыть все это разве можно?

И еще об одном случае мне хочется рассказать. После налета на нефтебазу мы переехали в Среднюю Камышинку к своим родным, т. к. наш дом был разрушен после бомбежки. Я там ходила в начальную школу (конец учебного года). В это время в Петров Вале стоял состав с боеприпасами. И вот в один из налетов бомба попала в состав. Была страшная картина! Снаряды рвались, а осколки летели на много километров. В школе, где мы были в это время на уроке, разлетелись

стекла. Учительница Анна Анатольевна вынуждена была вывести нас в один из соседних погребов. Все обошлось благополучно. А зарево стояло дня три над Петров Валом. Жутко!

И вот я пишу эти воспоминания, а у самой сердце сжимается от пережитого. А для чего это все? Хочется, чтобы наши внуки и правнуки жили под ясным, чистым небом без забот и переживаний, но с чистой душой и ясными мыслями, служа Родине, своему народу.

Улизко

Надежда Максимовна,
ветеран труда,
журналист.

*С 1951 года работала
в редакции газеты
«Ленинское знамя»,
затем на городском
радиовещании.*

**БОМБИЛИ
НАС ПУНКТУАЛЬНО,
ПО ЧАСАМ...**

Смертоносный самолет

Неповторимая пора юности. Кто же думал в 1941 году, что она совпадет с войной, которая вплотную приблизится к нашему порогу, что начнутся бомбежки?..

С чисто немецкой пунктуальностью, в один и тот же час, минута в минуту над Камышином появлялся фашистский самолет со смертоносным грузом. Это уже потом по противному прерывистому звуку камышане стали отличать немецкие самолеты от советских. Спасались в отрытых щелях-окопах, бомбоубежищах.

В один из таких налетов погибли две сестры — Шура и Люба Жулиневы. Своими телами они прикрыли детей, и те чудом остались живы. Погиб отец моего одноклассника Бори Деева, бухгалтер лесозавода. От прямого попадания бомбы в погреб не стало старшеклассницы школы № 1 Ирины Усачевой. Несколько дней горела нефтебаза, пылали пароходы, баржи на Волге.

Поход в военкомат

1942 год. Один за другим в городе открывались госпитали. Их было более пятидесяти. И пошел поток раненых из пекла Сталинградской битвы. Вагоны, машины разгружались днем и ночью. Медикам и военным помогали школьники.

В военкомат военрук повел нас всем классом. Беседа была короткой. Ребятам тут же вручались повестки. Многие девочки согласились работать в госпиталях. Среди них — десятиклассницы Капа Долгополова, Вера Дементьева, Неля Матвейчук, Маша Земцова и другие.

Я пошла в эвакуогоспиталь № 2920, штаб которого находился в доме № 36 по ул. Калининской. Полный, рыхлый начальник госпиталя Лемок, строго осмотрев тщедушную фигурку, пряча улыбку, сказал:

— А эту надо подкормить.

Вермишелевый суп

И вот у меня в руках солдатский котелок с дымящимся ароматным супом. С вермишелью. Изголодались мы с мамой. Ели и плакали от радости. Полевая кухня находилась в гараже техникума механизации. Так и перемежались в это трудное время большие печали и маленькие радости.

В жаркий июльский полдень из отделения в штаб вызвали медсестру. Она успела пробежать только половину пути, и началась бомбежка. Ее разнесло в клочья. Сильно пострадали несколько домов.

Госпитальные будни

Делали мы все, что нам приказывали: скручивали выстиранные бинты, мыли полы, читали лежащим раненым свежие газеты (все очень ждали открытия второго фронта), писали письма домой, ухаживали за тяжелоранеными. Умирали солдатики прямо на глазах. Особенно косила дизентерия, не отставал и тиф.

Как-то готовили вечер художественной самодеятельности силами работников госпиталя. Старшая медсестра Рита, очень красивая украинка, хорошо пела. Зам.политрука Никитин читал сатирические произведения Веры Инбер «Васька Свист в переплете». Подобрали еще несколько стихотворений на военную тему. Читала и я. Но мне не так повезло. Лучше прочла недавняя студентка педагогического института Лида Чуприкова. Этот неболь-

шой концерт хоть немного скрасил госпитальные будни.

Очень запомнился праздник в февральский морозный день. В разрушенном до основания Сталинграде состоялся митинг в честь Победы в этой священной битве.

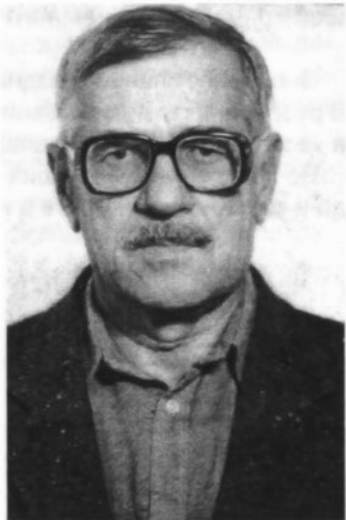
По мере удаления наших войск на запад уезжали из города и госпитали, а вместе с ними и многие камышанки...

**Золотарев
Анатолий Григорьевич,**
выпускник
камышинской средней
школы № 1 1950 года,
ныне житель
г. Обнинска
Калужской области.

В НАЧАЛЕ ВОЙНЫ

«Все-таки, как ни повернулась, как ни становилась моя жизнь, я все-таки останусь мальчиком с войны».

А. Баталов, киноартист.

Мы с мамой и бабушкой жили в маленьком городке Камышине, расположенном на Волге, когда началась война. Папа наш был в это время на фронте.

Сначала общая атмосфера военного времени, её влияние на нас, мальчишек, чувствовались лишь в военных сводках по радио, в общем настроении людей нашего города: все куда-то спешили, собирались, уезжали, приезжали новые, незнакомые люди — эвакуированные.

У нас на квартире поселилась молодая женщина с Украины. Она запомнилась мне тем, что по просьбе моей мамы, а может быть, больше по своей инициативе решила сшить мне курточку. Шила она долго и часто примеряла на мне то одну деталь, то другую. Курточка получилась мне впору, модная, с пояском, различными оборками на груди и карманах, с кокеткой сзади. Но мне она почему-то показалась девчоночьей и не понравилась. Так я её и не надевал, что очень огорчало и маму, и эту женщину.

Иногда мама давала мне немного денег, и я ходил в столовую. Но в последнее время готовили там одно и то же блюдо — жидкую пшённую кашу. Суп, борщ, котлеты с различ-

ными гарнирами, как раньше, в столовой уже не было.

Теперь жизнь наша подразделялась на два периода времени — на довоенный и военный.

Но чтобы покушать в столовой, нужно было сначала купить обеденные талоны, за которыми в кассу была всегда большая очередь.

Вернее сказать, очереди, как таковой, не было. Просто здоровенные мужики, широко расставив ноги для устойчивости, лезли к маленькому окошку кассы. Отталкивая друг друга локтями, торопливо совали свои мятые деньги, хватали в горсть талоны, очень похожие на теперешние автобусные билеты и спешили в обеденный зал.

Я был маленького роста и, конечно же, не мог пролезть сквозь эту мятущуюся толпу к кассе, стоял сзади у входной двери и наблюдал эту живую, кричащую массу людей.

А в это время из зала тянуло вкусным запахом пшённой похлёбки, которая в меню почему-то называлась гуляшом. И мне очень хотелось есть.

Тогда придумал вот что: на четвереньках стал пытаться проползти между ног этих топчущихся здоровенных дядей. Я упорно лез и вначале очень удачно, но чем ближе к кассе, тем труднее мне было протискиваться между ног. Здесь люди стояли плотно друг к другу. Меня начали давить ногами. Женщины сзади кричали:

— Мальчика задавите, бугаи чёртовы!

А перед самой кассой меня так сильно прижали к стенке и сдавили грудь, что я чуть не заплакал.

Толпа, видно, почувствовала, что внизу, под ногами, что-то шевелится и стала осторожнее напирать друг на друга. Один мужик хрипел мне сверху, с трудом сдерживая напирających сзади:

— Ну давай, давай, парень, быстрее бери да уматывай.

Я протянул руку вверх, подал деньги, не глядя в окошко, и быстро сказал, сколько мне надо талонов, схватил их в кулак и стал выбираться из толпы.

Пшёнку выдавали в глубоких глиняных мисках-горшках вместо обыкновенных тарелок.

С самого начала войны моего папу призвали в армию. Несколько дней он находился на сборном пункте на полковом дворе, где формировалась их часть.

Мы с мамой приходили к нему, приносили что-нибудь покушать и подолгу сидели вместе где-нибудь в тени, вспоминали мирное время, наших знакомых. Это были грустные разговоры.

Папа старался держаться бодро, шутил. Он был весёлым человеком, никогда не унывал, любил шутки и хорошие анекдоты.

Вспоминаю: как-то раз папа был на рыбалке (это было ещё в мирное время, а был он страстным рыболовом-любителем). После этого прошло несколько дней. Его встретил знакомый и спросил участливо:

— Ну как рыбалка? Поймали что-нибудь?

Папа шутливо ответил:

— А как же. До сих пор едим!

Иногда в шутку он говорил, что знакомых с собой на рыбалку брать не следует, и рассказывал такие случаи:

— Как-то я ловил судаков удочкой на леску. До этого судак хорошо брался. А тут что-то не клюёт и всё тут. Подошёл ко мне мой хороший знакомый. Закурили. Я на минутку отошёл в сторонку, а в это время на крайнюю удочку клюнуло. Мой знакомый увидел, подбежал и вытащил крупного судака. Такого большого судака я ещё никогда не ловил. Я обрадовался, конечно.

Потом опять перестало клевать. Так до конца дня ничего больше не поймалось. А когда пошли по домам, знакомый взял этого единственного судака себе, считая, что это по праву его добыча и удача. А мне было неудобно ему возразить.

А ещё был случай на зимней рыбалке. С нами (мы были вдвоём с сыном) попросился тоже один из наших общих знакомых. Пошли на середину Волги ловить леща. Пробили несколько лунок. В то время зимы были очень суровые. Морозы стояли крепкие. Лунку пробить в почти метровом льду было тяжеловато, хотя и пешня у нас была неплохая.

Опустили прикорм, настроили удочки, ждём поклёвки. Тут

как раз наш знакомый подошёл. (Он любил утром поспать и пришёл позже).

Мы ему сейчас же отвели готовую лунку, наладили удочку (рыболовом он был неважным), насадили червяка и сказали:

— Сиди, смотри на поплавок; жди, когда клюнет.

Время идёт — лещ не клюёт. Видимо, не подошёл ещё к нашей приманке.

И вдруг у нашего товарища клюнуло. Тацит... Мы стали ему помогать и вытащили здорового леща. Матёрый, весь жёлто-красный какой-то.

Опять сидим, ждём. Но так больше и не клюнуло. С тем и пошли домой. А наш хороший знакомый забрал этого леща себе, сказав спокойно: «Это я поймал».

Ещё один подобный случай расскажу, — продолжал папа, — сидели мы (тоже с сыном. Он был свидетелем) на набережной, ловили язя с приманкой. Уж больно язь в ту пору хорошо брался на поплавочную удочку.

Сидим, смотрим на поплавки. Приманки хорошей набросали почти целое ведро. А рыба не клюёт, да и только. Вчера брала хорошо, а сегодня — ни в какую!

Тут подходит с удочкой знакомый с нашей улицы рыболов. Он глухонемой. Садится между нами, закидывает удочку и, вот тебе пожалуйста, у него берёт какая-то большая рыба. Это было сразу видно по сильно изогнувшемуся удилицу. Немой что-то мычит, мы не поймём, водит рыбу, мучает её... Мы помогли ему подсачком, выловили килограммового язя. Немой обрадовался, схватил рыбину, свою удочку и убежал домой.

А мы сколько ни сидели потом, так ничего толком в этот день и не поймали.

Вот какие бывают случаи каверзные!

Примерно через месяц папа уезжал на фронт. Их отправили на Северный Кавказ, где ожидалось большое наступление немцев.

Скоро я стал посещать радиоклуб при ОСОАВИАХИМе, где нас, девяти-десятилетних мальчишек, обучали радиodelу. Мы изучали радиостанцию «Маркони-19» — приём «на слух» и передачу текстов на ключе по азбуке Морзе.

Немецкие войска приближались к Сталинграду, и наш город стали часто бомбить. И однажды во время бомбёжки погиб знакомый мальчик Володя Гудков. Он был в гостях у своей бабушки в Старом городе, и осколок от разорвавшейся у них во дворе бомбы попал ему в голову.

Старый город немцы бомбили особенно часто, так как там были расположены заводы, нефтебаза.

Я иногда бывал в этой части города, заходил к своим школьным товарищам и один раз днём попал под бомбёжку.

Высоко в небе кружил немецкий самолёт-разведчик, а наши зенитки обстреливали его. Маленький белый самолёт был хорошо виден в голубом небе под яркими лучами солнца. Облачка — разрывы зенитных снарядов то и дело появлялись рядом с ним. Мне было интересно следить за всем этим. Это происходило как раз надо мной. Задрал голову, я шёл, не торопясь, по песчаной дороге. Был ясный, безоблачный солнечный день... Впереди, в метре от меня, что-то упало в песок, шлёпнулось. Я услышал, нагнулся и поднял сизый продолговатый, колющий ещё горячий осколок величиной с палец от, по-видимому, только что разорвавшегося зенитного снаряда. Он даже немного обжигал мою ладонь. Я положил его в карман на память. Он потом долго хранился у меня дома.

Однажды я был в летнем кинотеатре на бульваре. Шёл кинофильм «Александр Пархоменко». После фильма при выходе из зала вдруг внезапно забили зенитки, стоявшие тут же в густых кустах старых акаций. Низко над Волгой, в нескольких метрах от воды, летели немецкие самолёты. Они на большой скорости пролетели мимо нас дальше вверх по Волге. Видно было, как вдали, где-то за элеватором, они сделали разворот и стали пикировать на нефтебазу, на круглые огромные чёрные баки, хорошо видные издали, расположенные недалеко от берега.

Отсюда, с бульвара ясно была видна вся панорама той части города. Послышались взрывы, показалось пламя и повалил густой дым. Он поднимался плотным чёрным грибом прямо вверх, а там под ветром стал изгибаться, отклоняясь в сторону от Волги, в степь.

Фашистские самолёты отбомбились и, возвращаясь назад, сбрасывали оставшиеся бомбы где попало на город, на железную дорогу, на старый деревянный мост.

На бульваре зенитки опять открыли частый огонь по приближающимся самолётам. Около зениток кучами валялись пустые жёлтые гильзы. Мы убегали с бульвара, пригибаясь, поглядывая на небо, прижимаясь к решетчатому забору городского парка.

А ночью мы с мамой, прячась от бомбёжки в заброшенном подвале нашего дома, где валялись старые кирпичи и хлюпала под ногами вода, чутко прислушивались к гулу моторов немецких самолётов, резким звуковым ударам разрывающихся авиабомб со стороны старого моста.

Вдруг кто-то снаружи закричал:

— Поймали, поймали! Вон посмотрите!

Мы вышли во двор. Была уже глубокая ночь. Высоко в небе почти над нами в перекрестье двух прожекторов виделся маленький белый самолёт. Он как будто и не торопился улететь или так казалось. Разрывы зенитных снарядов, как большие белые одуванчики, виднелись в небе.

Кузнецова

**Людмила Владимировна,
ветеран труда,
врач-терапевт,
краевед,
автор книг
«Очерки о провинциальной
медицине».**

ДЕТСТВО В ПРИФРОНТОВОМ КАМЫШИНЕ

Пришла война

Война пришла в нашу семью внезапно — в воскресенье, 22 июня 1941 года.

Мама, сестра, бабушка были в доме, я с братом сидели на крылечке. Вдруг по радио тревожный голос Левитана известил о важном сообщении. А в 12 часов министр иностранных дел СССР В. М. Молотов сообщил о начале войны с Германией. До нас, детей, не сразу дошло, что случилось, а взрослые расстроились. До этого пустынные улицы заполнились людьми, все кричали: «Война, война!»

Ужас войны до меня дошел недели через две. По утрам я ходила за хлебом в ларек на улицу Советскую (около Толстовской школы). Там увидела необычайное: вдоль домов по всей улице, прислонясь к заборам, сидели женщины, дети. Около них стояли камышане и рассматривали приезжих. Это были беженцы.

Женщины-беженки были в легких шелковых красивых платьях. Никаких вещей у них не было, они в чем были дома, в том и уехали. Их привезли из западных областей Украины. Они рассказывали о зверствах немцев.

Беженцев поместили в школу, там им сделали нары в два этажа. На каждой наре — семья. Постепенно их эвакуировали в глубь страны, а на их место привозили других. Часть эвакуированных размещали по домам. Многие

из них осели в Камышине на время войны, после ее окончания уехали на родину.

Город военных

В войну город сразу изменил свой облик и ритм жизни. Была объявлена всеобщая мобилизация.

Наш камышинский полковой двор находился за базаром. Он состоял из пяти больших деревянных корпусов-казарм. У первого корпуса было высокое крыльцо. Когда призывная комиссия начинала работу, то трубач с крыльца трубил сбор.

Призывники из сел Камышинского и соседних районов с котомками и провожающие сидели через дорогу (по ул. Пролетарской) на пустыре. Их было очень много. С сигналом трубы первые поднимались и становились в строй. А вокруг стояли стон и плач.

По радио звучала песня Александрова «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой!» или музыка Прокофьева «Вставайте, люди русские, на славный бой, на смертный бой».

Эти призывы настраивали население, уходящее на фронт, на чувство священного долга, а в тылу оставались те, кто помогал защитникам Родины. Дети сразу стали взрослее и ответственнее.

Появились ополченцы — местные жители, добровольно уходящие в Красную Армию. Они в гражданских одеждах маршировали по городу, учились строевой.

Наш город всегда был военизированным, полузакрытым. В центре его и по окраинам стояли воинские части в большом количестве, но военных по городу почти не было видно, их не отпускали из частей.

Во время войны в город стали поступать войска со всей страны, и Камышин превратился в сплошной военный лагерь. Солдат и командиров (офицерские звания появились позже) расквартировывали по домам. У нас на постое жили два солдата, которые спали на полу. На обед из полевой кухни они приносили суп и пшеничную кашу. Мы, полуголодные дети, глядели, как едят солдаты. Потом они обратили внимание на нас. Мы ели хлеб, намазанный горчицей и посыпанный солью. Им это

понравилось, и они стали делать также. Ведь постная еда для солдат была несытной, и им, молодым, есть хотелось всегда. С солдатами мы жили дружно. Командиры питались лучше. Мы их очень уважали, они подолгу на постое не были, их отправляли на Сталинградский фронт.

Фронт приближался к Сталинграду, и все больше и больше скапливалось военных в нашем городе. В прифронтовом Камышине большую нагрузку имели магистральные улицы, особенно Проломная (ныне ул. Гагарина) и Калининская.

Город кончался на улице Выгонной (теперь улица Серова). Здесь шла подготовка танкистов, тренировались они на танкетках. А там, где сейчас находится поликлиника № 1, был разветвленный овраг, в котором были стрельбища. Наверху оврага — бахчи, выделенные эвакогоспиталю № 1588. Наша бахча была крайняя с двумя окопами — круглым стоячим и квадратным лежащим. Я — наверху с мотыгой, а внизу стреляют.

Воинские подразделения так же располагались в присадках из лоха, шиповника, желтой акации. Через эти присадки шла дорога, по ней люди ходили в питомник (теперь это место застроено ул. Лесозащитной и площадью Радищева) и по краю питомника располагались военные. А напротив Сидорова родничка в самом питомнике стояли зенитки.

Вот так тогда выглядел Камышин. Военные не обижали население. Девушкам свободно можно было ходить куда угодно — за дровами, на бахчу — мимо солдат.

МПВО

В начале июля 1941 года решением горисполкома был образован штаб местной противовоздушной обороны — МПВО. Совместно с обществом ОСОАВИАХИМа он установил круглосуточные дежурства представителей предприятий и организаций. От каждого учреждения назначали активных людей, организовывали из них дружины и посты. Дежурные в ночное время следили за светомаскировкой, задерживали подозрительных прохожих. Во время бомбежек следили, куда падали зажигательные бомбы и тушили их. Мы из окошка своего дома видели, как вдоль железнодорожного полотна лежи-

лись огненные точки-бомбы, не попавшие в пути и вокзал.

Задача МПВО была сплотить население, поднять его патриотический дух, подготовить к самообороне и помощи Красной Армии. Занятия проводились активистами во дворах, на улицах, в школах и учреждениях. Агитаторы призывали не поддаваться панике. Они заставляли горожан обклеивать стекла окон бумажными полосками, чтобы стекла уцелели и не было осколков при бомбежках. Большие окна учреждений и школ заложили кирпичом или стеклянными банками, свет в этом случае в помещения проникал через доньшки банок. Жители города рыли траншеи у себя во дворах, зигзагообразные окопы, щели, переоборудовали погреба и подвалы под бомбоубежища.

Окопов в городе было нарыто много. В нашей семье рыть окоп, кроме меня, было не кому: мама на работе, сестра мобилизована на стройку железной дороги Саратов-Сталинград, брату всего лишь три года. Начала рыть окоп на улице возле забора, вырыла его длиной в 2 метра, 1,5 метра глубины. Накрыла жердочками, сверху положила кусочки толи, газеты, сухую траву и засыпала все землей. От чего была эта щель — непонятно, считалось, что маленький осколок такое перекрытие не пробьет. Когда на нашей Колесной улице попала бомба в дом № 41, наш окоп заходил ходуном, земля посыпалась на головы, а все маленькие домишки заметно покосились. Я с братом в это время находилась в укрытии, выглянула — стоит столб дыма и пыли, убиты две женщины.

О налетах немецких самолетов сообщало радио и вой сирены, но мы и сами научились отличать гул фашистских самолетов от своих. У маленьких детей обостренный слух, братишка заранее говорил мне о налете, и мы успевали спрятаться до объявления тревоги.

Зенитки располагались вокруг города, в питомнике и в присадках. В основном, зенитчицами были девушки. Стреляли они не совсем метко. Днем на голубом небе видны были пушистые облака от снарядов, осколки сыпались сверху.

Чтобы сохранить вещи от прямого попадания бомб или от пожара, многие жители зарывали их в землю. Мы тоже зарыли

самое ценное: шесть томов А. С. Пушкина издания 1937 года, два маминых крепдешиновых платья и немного посуды. Документы брали с собой в щель.

Большую пропагандистскую работу вели агитаторы по борьбе с диверсантами, шпионами, паникерами. Школьникам давали уроки по программе МПВО, приводились всякие примеры по поимке шпионов. Тогда это было очень важно и интересно, хотя мы не представляли, как будем ловить их, но бдительность все же проявляли.

Всем жителям города и всем военным раздали противогазы на случай применения врагом отравляющих веществ. Противогазы раздавали не по размеру, но научили их надевать. Хорошо, что обошлось без ЧП, и противогазы не понадобились.

Госпитали

Госпиталей в Камышине было много. Одни из них приезжали, останавливались, разворачивались и принимали раненых. Другие квартировали недолго и уезжали дальше в тыл.

В Камышине сформировано было три госпиталя, в них работали в основном жители города. Женщины работали санитарками, поварами, прачками. Мужчины обеспечивали топливом, электричеством и другими важными делами. Медицинские работники, мобилизованные на работу в госпитали, были камышане и приезжие. Со Сталинградского фронта везли беспрерывно раненых, порой их не успевали обрабатывать — делать перевязки, напоить, накормить. Не хватало топчанов, поэтому в эвакогоспиталь № 11 (бывшая образцовая школа № 1) привезли солому, устелили ею пол вестибюля и на нее клали раненых. Так было летом 1942 года.

Медицинские сестры ухаживали за молодыми бойцами, вселяли в них надежду на жизнь. Горожане также жалели раненных бойцов, приходили, помогали ухаживать за ними, приносили гостинцы, согревали душевным теплом. Школьники помогали в госпиталях, оказывали посильную помощь взрослым. Часто устраивали концерты в палатах для лежащих больных, а те всегда были рады приходу детей.

Школа

Теперь пришла пора рассказать, как мы учились во время войны.

До войны работали в центре города: начальная четырехлетняя школа № 7 на ул. Советской, в простонародье называлась «Стрелка»; неполная средняя № 6, бывшее училище имени Л. Н. Толстого, в простонародье Толстовская школа, учились в ней семь лет; средняя № 4 на ул. Советской, построена в 1938 году, в простонародье называлась новостройка.

Я училась в Толстовской школе № 6 в течение трех лет.

Мне было одиннадцать лет, когда перешла в четвертый класс (в то время начинали учиться в школе с восьми лет).

В начале войны по решению горсовета школы города освобождались под военные нужды. Детей отозвали с каникул, чтобы они помогали эвакуации школ.

Придя в свою школу, я увидела разоренные классы, пустые комнаты, обрывки когда-то нужных бумаг, книги. Стало на душе тоскливо. Нас, учеников, заставили перетаскивать парты в «Стрелку». Машин тогда в городе были единицы, все перетаскивали на себе. В школе № 7, т. е. в «Стрелке», нас, учащихся, скопилось из четырех школ: № 7, № 6, № 5 и № 4. Учились в четыре смены, каждая школа в свою смену. Уроков было по 2–3, самые главные предметы. За партами сидели по 3–4 ученика.

Ольга Капитоновна Смирнова однажды вела урок. Вдруг открылась дверь, учительница соседнего класса сказала: «Принимайте мой класс». В помещение ввалились с шумом дети и стали рассаживаться по партам. Наша учительница

Такой я была во время
учебы в школе.

растерялась, класс был битком набит детьми. Успокоившись, Ольга Капитоновна продолжила урок.

Перегрузка всех классов была недолгой. Многие полуголодные дети не стали учиться, сами отсеялись. В пятом классе мы уже сидели по 2–3 человека за партой.

В сентябре началось выселение немцев Поволжья из города. Запомнилась такая жуткая картина. За оврагом была улица Закирпичная из деревянных и глиняных домиков. Там в основном жили немецкие семьи, у них было много собак, их лай был далеко слышен. Выйдя на переменку из школы, мы услышали вопли и крики со стороны этой улицы. В воздухе стоял стон — шло выселение жителей. Их грузили в машины и увозили куда-то. Потом мы узнали, что немцев увезли в Сибирь и Казахстан. На следующий день в домах наших соседей, где проживали немцы, стояла мертвая тишина. Постепенно туда стали вселять эвакуированных. Но и они жили недолго, уезжали за Волгу, прихватив добро немцев. Трудно их осуждать, ведь фашисты на их родине лишили их всего. Затем вселялись другие эвакуированные и делали то же, топили печь мебелью, т. к. у них запаса дров не было. У моих соседей в результате остался пустой дом. В него вселили семью, и она уже жила в пустом доме.

В школе учебных пособий после переездов было очень мало, но кое-что учителя спасли. Например, скелет голубя, географические карты, 2–3 физических прибора.

В классе было пасмурно, холодно, а душе хотелось тепла, красоты, цвета. И вот принесли плакат-пособие: белый гусь на светло-зеленом лугу и ясное голубое небо. Какая красота! Я не могла насмотреться на эту картину.

Уроки проводили опытные учителя. После слияния школ № 7 и № 6 директором был Носков Герасим Иванович, после него Ольга Васильевна Бочкарева, а завучем Римма Михайловна Седенкова — обе литераторы. Математику вели Татьяна Ивановна Старцева и Татьяна Ивановна Сергиенко, она же у нас в пятом классе была классным руководителем. В шестом и седьмом классах классным руководителем была географ Татьяна Павловна Харченко. Историки были

все время разные, военное дело вел Павел Ефимович, а биологию Фаина Ивановна Молчанова.

Учителя относились к нам с пониманием — время было тяжелое. У молоденькой учительницы Т. И. Сергиенко погиб на фронте муж. На классном часе она прочитала нам рассказ из газеты, как погиб солдат и как переживала его семья. Рассказ был похож на ее судьбу, и она заплакала. Т. П. Харченко, преданная своему предмету, была очень требовательной, «гоняла» нас по карте; все реки, горы и озера мы знали назубок. Времени ей не хватало, она нам назначала вечерние консультации и опять «гоняла по карте», а у самой был грудной ребенок, оставленный на чужих людей. Военрук был хороший парень с раненой на фронте рукой. Он нас учил собирать и разбирать малокалиберную винтовку, бросать деревянные гранаты, строевой подготовке. Любил маршевую походку и считал, что все так должны ходить. Наверное, от этого мы себе выработали на всю жизнь четкую походку.

У мальчиков были отдельные уроки по военной подготовке, у девочек ввели предмет гигиены и санитарии. Его вела медсестра Александра Пономарева.

Писали мы чернилами, которые делали сами из чернильных карандашей. Когда карандаши кончились, то находили любую жидкость, которая пишет. Чернильницы все разбились или их у нас поотнимали озорные мальчишки. Тогда чернила наливали в пузырьки от лекарств.

В начале шестого класса, в 1943 году, на полгода со «Стрелки» нас перевели в здание по улице Песчаная, 46 (позже ул. Лазарева, теперь там католическая церковь). И опять мы потащили парты по земле. Затем снова учились в «Стрелке». Учеников стало совсем мало.

В шестом классе к нам на урок пришли представители гороно и стали зачитывать список. Мы сидели с замирающими сердцами. Зачитали всех мальчиков хулиганов и двоечников и сказали им, что они отчисляются из школы и переводятся в ремесленные училища. Это было отличное решение для всех: нас перестали обижать, для школы — убрали двоечников и второгодников, для самих же этих детей — им

спасли будущую нормальную жизнь, предоставили одежду, питание, научили профессии. Они работали и учились, жили в общежитиях. Когда закончили ремесленные училища, подросли и уже подростками стали работать на заводах, заменили ушедших на фронт отцов и братьев. Это молодое поколение прошло через самую трудную жизнь военного и послевоенного времени. Они в тылу ковали Победу, а после войны стали ведущей рабочей силой в стране. Впоследствии им присвоили звание «Участник трудового фронта в Великой Отечественной войне».

Вернемся к школам военных лет. Они работали в три смены, уроков прибавилось до 4–5 в смену. В холодное время школы часто не отапливались. Мы сидели на уроках в пальто, а в летнее время выбегали на улицу и играли в лапту. Пионерские сборы были редкими, но нам всегда напоминали, что мы — пионеры и должны держать себя достойно, т.е. хорошо учиться и помогать школе. Летом нас посылали пропалывать просо, собирать клубнику в соседнем совхозе, траву для веников, на заготовку дров.

Русло Волги тогда состояло из десятков островов, покрытых диким лесом. В разлив река весной несла коряги, ветки и бревна от разбитых плотов. Леса плыло много. Его вылавливали жители и пользовались им. Бревна тоже ловили, но этого делать не разрешалось. Городские заготовители складывали по берегам Волги и Камышинки целые штабеля леса. Летом после спада воды просохший лес распределяли по учреждениям города.

Директор нашей школы Ольга Васильевна как-то послала учащихся седьмого класса на заготовку дров. Нам было по 14–15 лет. Большие бревна нам не поднять, мы выбирали бревнышки поменьше. Когда пришла директор школы, она ахнула: «Вы же набрали хвороста!» А кладовщик мерил кубатуру, как за плотный лес. Ольга Васильевна и кричала, и плакала, что школа останется без дров. Больше на их заготовку нас не посылали.

В начале года появился Гимн Советского Союза. Ольга Васильевна решила подготовить к городскому смотру хор

учеников, который впервые в городе исполнил Гимн, это было здорово! О нас заговорили. Разучили мы еще несколько песен, с которыми выступали в госпиталях. Среди нас была одаренная девочка Рита Торенова, ее любили слушать.

Дрова

В Камышине испокон веков отопление всех домов, изб и учреждений происходило дровами, некоторые топили углем, добавляя кизяки. Дрова закупали летом на базаре, готовились к зиме. С приходом войны встала проблема с топливом. Упал привоз дров, так как возчиков и лошадей мобилизовали, в городе и в деревнях мужчин почти не осталось. Цена на дрова и кизяки на базаре значительно выросла. Я стала ходить в присадки за щепками и хворостом. Собирать приходилось с опаской, боялась лесника. Потом стала собирать шишки и хвою. Это все шло на растопку печи и для самовара. В питомник заходить боялась, лес был густой, на расстоянии 5–6 сосен было темно, яркое июльское солнце не пробивалось через гущу крон.

Ходить за дровами мне нравилось, ощущала красоту леса, степи. Иногда ходила в питомник по Кирпичному оврагу. Теперь это место многолюдное, а тогда там не было никого, красота! За оврагом на аэродроме шли учения парашютистов. Они прыгали на открытое поле и что-то кричали. Разноцветные купола парашютов покрывали поле. Теперь это жилой пятый микрорайон.

Во время войны многие горожане ходили к железнодорожному полотну, там кучами лежал уголь для паровозов и шлак от паровозов. Шлак люди просеивали железными щитами с дырочками, в нем находились мелкие кусочки угля. Уголь трогать было нельзя.

Мы топили дровами и кизяками. Русская печь в доме занимала 1/4 площади. Прогревалась она к обеду, к ночи остывала. Вся наша жизнь была на печке. Там мы грелись, там читали сказки, слушали радио. К вечеру, если стоял сильный мороз, бабушка затапливала голландку — высокую круглую печь, снаружи железную; мы садились у дверцы и смотрели

как потрескивают дрова, летят искорки. Как только голландка нагревалась, мы ее облепливали спинами, грелись, а на подоконниках размораживался лед в ладонь толщиной, воду спускали по веревочке в подвешенный пузырек. Как только начинало темнеть, мы готовили вечерний чай. Большим ножом щипали лучинки для розжига самовара. Самоварную трубу соединяли со специальным дымоходом в печи. Его угли шли и для розжига утюга. В семь часов вечера мы ставили на стол самовар, он ласково «мурлыкал». И если «пел» сильно, то бабушка говорила, что будет сильный мороз. Самовар для нас был все: очаг, тепло, чай, какая-то еда, уют. Заваркой в те годы были сухие корки дыни, арбуза и сушеная морковь. На ужин 80-100 граммов хлеба, луковица. Иногда пареная в печи тыква или тыквенная каша с кукурузой без масла и сахара. После ужина мы с сестрой садились учить уроки. Сидели в пальто, валенках, на коленях грелась кошка Мурка. Электричества не было, читали при коптилке. Огонек маленький, если прибавить фитилек, то будет много копоти. Буквы почти не различимы, но зрение хорошее, читаем. В восемь часов вечера приходила мама из госпиталя. Она садилась читать сводки Информбюро и готовилась к следующему дню, ведь она в госпитале политрук. Спать ложились в холодные постели. Старые одеяла, матрацы, простыней нет. Сверху набрасывали пальто.

Утром холодно, пар идет изо рта. Наледь на окнах выросла. Бабушка готовит самовар. На завтрак — 100 граммов хлеба и чайная ложечка маслица. Мы идем в школу. После обеда пилим в кухне с бабушкой дрова, бревнышки тоненькие, кладем дрова у печки на просушку — готовим топливо на следующие дни.

Хлеб

Наш степной край богат душистым хлебом. Считается, что чем суше климат, тем концентрированнее вкусовые качества и запах. Поэтому малоурожайная пшеница Камышинского района давала наилучшее качество хлеба. Но его до войны в городе не хватало. Бесконечные войны на востоке, Фин-

ская война отразились на достатке питания. Хлеб «выбрасывали» (так раньше говорили) в ларьки. Все смотрели, куда ехала повозка с хлебом, и мы, ребяташки, наперегонки бежали за ней. Это было каждый день.

До сороковых годов в Камышине работало много кустарных пекарен и ларьков. Перед войной построили хлебозавод на улице Советской, напротив школы-новостройки. Этот маленький хлебозавод кормил все проходящие войска, все госпитали, все население города. И как он успевал?!

В первые дни войны хлеб вдруг исчез в ларьках. Женщины стали печь лепешки. Месяца через два всем жителям раздали продуктовые, промтоварные и хлебные карточки. Норма на хлеб была от 250 до 600 граммов, для рабочих больше, меньше для иждивенцев и детей. Чтобы получить карточки, каждый месяц надо было с паспортами идти к домоуправу за стандартными справками. За ними стояла очередь, и мне кажется, что я всю жизнь простояла в очередях.

По хлебным карточкам отпускали хлеб в магазинах, к которым семья была прикреплена. Продавщица отрезала талоны и приклеивала их к листочкам, потом она отчитывалась перед начальством. Это был кропотливый и нудный труд, который продолжался до декабря 1947 года. Мы слышали, как голодный блокадный Ленинград сидит без хлеба, и нам наши невзгоды казались еще терпимыми.

Возвращаясь домой из школ, мы останавливались у хлебозавода. От него шел вкусный, душистый и теплый запах хлеба. Жадно дышали. У нас теплело на душе, и мы шли дальше.

**Мой брат Витя Прохоров —
третьеклассник школы № 6
на «Стрелке».**

В школах города были буфеты. Наша буфетчица тетя Даша получала хлеб или темные маленькие булочки и сахар. По очереди из каждого класса во время уроков выходили старосты и получали пайки. На перемене раздавали булочки и хлеб, ложечку сахара. Дети редко ели их сами, в большинстве случаев относили домой и делились с родными. Иногда сахар заменяли каким-то повидлом.

Вода

С водой в Камышине было трудно. Водоразборные будки на улицах стояли редко. За водой приходилось ходить за 2–3 улицы.

Носить ее для меня была первая обязанность в доме. Я научилась носить полные ведра с водой. Воду экономили. Для семьи из пяти человек расходовалось два ведра воды в сутки: трехлитровый самовар утром и вечером, на приготовление щей уходило много. На мытье облизанной посуды хватало полкружки, умывались одной кружкой на человека. Стирка и купание были редкими — 1–2 раза в месяц. Для этой цели приходилось приносить еще два ведра воды. Грели ее в большом самоваре, мылись дома в корыте. В войну городская баня служила санпропускником для проходящих войск. Летом за водой я ходила утром и вечером. Во дворе — умывальник и две клумбочки с цветами: зарянки, бархотки и вьюны.

Воду постепенно отключили в ближайших колонках. Мы жили на улице Колесной, дом 24. За водой стали ходить к Толстовской школе (ныне Дом учителя). Здесь скапливался народ со всей округи. Вода текла струйкой, как из самовара. Женщины садились на ведра и ждали своей очереди. Эта колонка тоже вскоре осталась без воды. Пришлось ходить на площадь Павших борцов, где толпа собиралась за водой еще больше. В мороз она замерзла, и пошел народ на Камышинку. Колодец был весь в наледи, вода не успевала поступать из родников. Кто-то из мужчин взялся доставать воду ведром с веревкой. Так продолжалось до 1946 года. Постепенно водяные будки ожили, а к 1950 году их даже прибавилось.

Дождевую воду собирали. Зелень после дождя быстро распускалась. На улицах деревьев росло мало, хорошо росли клены — мое любимое дерево, с густой кроной и неприхотливое. По улицам гулял песок, перемещаясь под легким ветром, образуя полосы барашек. Мы играли в песке, зарывались в него, делали куличики. Росли мы без игрушек. Трава росла вдоль заборов. В основном это была лебеда и колючки. Колючки впивались в пятки, это было само собой разумеющееся. Купаться ходили на Камышинку, а кому ближе — на Волгу. Летом детей не мыли, мы ходили загорелые, стриженные наголо, веселые; аллергии не было. Воздух был чистым. Все в пыли и в песке, на ночь летом обливались холодной водой и ложились спать.

Одежда

Одежда у всех была разная. На окраинах города летом девочек и мальчиков вообще не одевали из-за экономии. Мы бегали до десяти лет летом в трусах, чуть постарше дети носили сарафанчики и рубашки. Если надо было идти в город, то одевали платица и обувь. За годы войны поизносились. Из своих платьев мама перешивала сестре, а от нее уже перешивали мне. Так одевали детей в каждой семье. В некоторых семьях дети носили одну одежду в день по очереди: шапки, валенки, пальто.

У моей подруги Веры на ногах была такая обувь: сшитые мужские носки в два слоя, между ними слой ваты — такие «бурки» носили с калошами. Другая моя подруга Нонна носила туфли, которые ей сшила мама: верх мешковина, подошва — крышка от «студебеккера». Туфли выкрашены белой масляной краской.

Весной у меня на ногах были сапоги солдатские сорок второго размера с оторванными подошвами. Ноги в них всегда были мокрыми. Мама где-то достала шинель. Ее выкрасили в черный цвет, который линял, и сшили мне ужасное пальто, в котором я ходила в шестом и седьмом классе. Зимой на голове была шапка-ушанка большая, а чтобы под нее не задувало, голова вместо платка покрывалась портянкой. На

руках — двупалые рукавицы, на ногах — пегие солдатские валенки. Вся моя одежда состояла из военного обмундирования мамы, которая работала в госпитале. Считалось, что я одета не плохо, тепло. У других детей одежда была не лучше, носили всякие зипуны, кожухи и старье от матерей. Нормально одевались единицы. Но мы не обращали внимание на одежду, т. к. считалось не это главным, главное — где бы раздобыть еду и не пропускать уроки. Работал еще инстинкт самосохранения, простужались редко.

Первые туфли (брезентовые) на венском каблучке, да еще к ним в придачу калоши, я приобрела и надела в девятнадцать лет и сказала подруге: «Первый раз в жизни прошла по воде и ноги у меня сухие».

Война отодвигалась. В городе стали появляться промтовары. По карточкам выдали весной 1945 года по три метра шелковистой саржи горчичного цвета двух тонов. Весь город оделся в золотистые платья. Бабушка шила сестре платье, сестра хотела особенный фасон, долго спорили, гремели брошенные ножницы! Мне же сшили четырехклинку с кружевной вставкой, рукава фонариком. Я чувствовала себя королевой.

После отмены карточек в 1948 году появились первые готовые платья в магазинах. К выпуску из медшколы мне купили первое платье креп-жоржетовое коричневое в белый горошек.

Восстановление народного хозяйства после войны шло быстрыми темпами. В 1949 году на прилавках появились штапель, бязь, шерсть, посуда, часы, нитки. Жизнь начиналась заново. Обносились не только люди, но и дома. В домах появились занавески вышитые и кружевные, покрывала, скатерти, вышивки. Все эти украшения шили и вязали женщины и девушки. Появилось мыло, можно было стирать сколько хочешь.

Я рисовала картинки с открыток и прикрепляла их кнопками к стене. В некоторых домах стены украшали цветными плакатами и открытками. В пятидесятых годах в магазинах появились репродукции картин известных художников.

В любой ситуации человек стремится создать уют в своем

жилище и создает его по мере возможностей. Быть нищим в наше время было стыдно, поэтому всеми силами народ старался выйти из тьмы бедности.

Базар

Базар военного времени — это скопище людей заблудших, голодных, надеющихся чем-нибудь поживиться. Среди толпы — много военных, беженцев, нищих. Среди торгующих в основном местное население, привоз из сел небольшой. Торгуют всем, что можно продать: самоваренное мыло — студенистый дрожащий кусок, старая одежда, пуховые платки. Я продаю газеты «Правда» (довоенный выпуск), скопившиеся у нас за пять лет. Газета идет по три рубля, ее берут солдаты на закрутку папирос. Спичек нет, курильщики разжигали табак-самосад «катушей». Это два камушка-сиряка, их бьют друг об дружку, выбивают искру, которая попадает на жгутик, образуется огонек, его раздувают и прикуривают. Этот первобытный способ добывания огня был распространен. Иногда для добычи огня уходило по полчаса, но солдат усмехался — торопиться некуда. Самая дешевая еда — подсолнечные семечки и куски пшенной каши — раскупались быстро. На вырученные от продажи газет деньги я покупала что-нибудь из еды и приносила домой. Мама на базаре купила пуд ржаной муки с отрубями, бабушка из нее пекла лепешки — добавок к пайку хлеба. Мальчишки на базаре в жару продавали кружками воду, тоже старались зарабатывать деньги. Сладостей не было, ели желтую и белую акацию, по счастливому случаю попадала нам макуха — спрессованные отходы подсолнечных семечек. Распространен был среди детей и корень солодика, но родители предупреждали, что много его есть нельзя.

В городе было три базара: центральный на ул. Пролетарской, вечерний около железнодорожного вокзала, теперь это место занимают магазины, и базар на берегу Волги, у пристани под бульваром. На берегу — скопление людей, многие сидят по несколько дней, не могут уехать. Пароходы битком полны и ходили не по расписанию. К берегу причалены

в рядок весельные лодки, на них горы арбузов. Арбузы, дыни, огурцы — основная летняя пища. Семечки сушили на зава- линках, корки отдавали соседям для коз и кур. Семечки грыз- ли зимой, особенно трудно грызть дынные семечки, от них язык щиплет. Тыквенные семечки это почти гостинец. Семеч- ки содержат нуклеиды, входящие в состав белка. Вот мы и росли за счет этих нуклеидов, мясо не ели по много меся- цев. В рацион иногда попадала селедка. Осенью я промыш- ляла по бахчам, которые уже были убраны. Приносила до- мой паслен, мелкий картофель и что попадалось из овощей.

Трофеи

В городе в 1942–1943 году было большое скопление воен- ной техники. Везли орудия, машины, танки. Техника лома- лась, накопилось на улицах много всякого железного лома. Мальчишки растаскивали куски от самолетов и танков по дворам, играли с ними и обменивались «сокровищами». Круп- ные части техники лежали прямо на улицах.

С 1943 года после разгрома немецких войск под Ста- линградом в Камышине разместились несколько спецла- герей и спецгоспиталей для военнопленных. Появились предметы германского происхождения: каски, пластмас- совые ведерки и другие вещи. Из лоскутков немецких шинелей (тонкого сукна серо-зеленого цвета) женщины шили юбки, летние пальто.

Много появилось лошадей. Конные отряды размещались на окраине города. Трофейные кони были стройные красав- цы, но они вскоре вымерли. Причина в том, что этих лоша- дей раньше кормили овсом, а теперь их стали кормить, как наших лошадок сеном, соломой и чем придется. Овес ели голодные люди. Бахчи были за Беленьким оврагом. Овраг крутой, его откосы из белого песка. За оврагом — чистая степь, теперь на этом месте аэродром. Многие камышане просили лошадей у военных для перевозки урожая. Те дава- ли немецких лошадей, но использовать их было невозмож- но. Лошади не знали команд на русском языке, ими нельзя было управлять и нечем было кормить. Приходилось пере-

возить урожай на коровах, быках, часто сами люди впрягались в тележки. Плети растений, свезённые с бахчей, развешивали на заборах и сушили на корм скоту зимой.

Учеба продолжается

В апреле 1943 года Сталинградский фронт отошел на Запад. Окруженная под Сталинградом немецкая армия была ликвидирована. Жизнь в Камышине понемногу приходила в норму. Можно было не прятаться в щели, можно не соблюдать светомаскировку. Появился навык преодолевать житейские трудности.

В начале 1944 года некоторые коллективы школ ушли в свои здания, освободившиеся от госпиталей. В «Стрелке» осталась одна наша школа № 6. Мы пошли учиться в выпускной седьмой класс. Основное ядро класса составляли несколько человек, с самого первого класса учившиеся у Ольги Капитоновны: Валя Мантуленко, Шура Дудкина, Нина Дьячкова, Люда Давыдова (я), Галя Мигусова, Зоя Устинова, Римма Родионова. Остальные дети в разное время были переведены от других учителей и школ. Седьмой класс окончили 20 человек. Нам было по 15 лет; весна, сирень волновали сердца, хотелось научиться танцевать. На перемене под «тра-ля-ля» пробовали танцевать вальс. Кто-то из учеников принес патефон и спрятал его в стенной шкаф. На перемене завели пластинку, и радостные, с блестящими глазами пытались вальсировать. Директор школы Ольга Васильевна узнала об этом и отругала нас.

Распрощавшись друг с другом, мы разошлись по разным жизненным путям. Несколько человек ушло в десятилетку-новостройку, некоторые в техникумы. Забегая вперед, скажу, что все наши выпускники стали видными людьми в городе: врачами, учителями, инженерами, техниками. Дети войны выстояли, не сломались!

Детство у нас было запоздалое, потом мы все наверстали. В 1945 году открыли пионерский лагерь. Его спешили строить. Деревянные павильоны сделали из сырых досок. Доски на солнце высохли и образовались большие щели,

ветер продувал палаты насквозь. Такой была и крыша. Когда пошел дождь с грозой, вся вода обрушилась на наши головы, постели, и мы промокли насквозь. А лагерь все же был хороший. Мы лазали по оврагам, бродили по окрестностям, водили нас на горы Уши искать клад в пещерах, были походы, игры, костры. А самое главное, нас хорошо кормили, дома этого не было. Домой из лагеря без гостинца ехать было нельзя. Мы с Нонной Ляшенко собирали яблочки с диких яблонь, они кислые-прекислые, но дома пригодятся на компот. С Нонной нас опять свела судьба уже в пожилом возрасте, когда стали обе заниматься краеведением.

Победа

Победу ждали томительно долго, ведь все от войны устали. На улицах города мужчин не встретишь, одни женщины всех возрастов. Фронт ушел далеко на Запад. Четыре года в семье шли похоронки. Книга Памяти, изданная военкоматом города Камышина, точно отражает потери населения города и района в войне. Выбиты почти все мужчины окружающих сел, остались вдовы и сироты.

Радостные сообщения, озвученные диктором Юрием Левитаном, поднимали настроение, лица людей светлели. Когда в единственном в городе кинотеатре «Молодой ленинец» на Пушкинской улице демонстрировался фильм «В шесть часов вечера после войны», народ ринулся в кино узнать хоть предположительно, когда кончится война. Ура! В руках у девушки сирень! Значит кончится война весной!

9 мая утром объявили по радио о Победе над фашистской Германией. День был солнечный, хороший. Камышане направились в городской парк, где состоялся митинг. Пошел дождик, небо оплакивало погибших. К вечеру опять погода посветлела. Весь общественный актив города был приглашен на торжественный концерт в театр парка. Концерт давали артисты Сталинградского театра музыкальной комедии. Они выступали в радостном, возбужденном настроении, так хорошо пели и играли! И вдруг в антракте ведущий в страст-

ном порыве объявил, что взят город Прага! Зал ликовал, все поздравляли друг друга. Наконец-то все вздохнули свободно. Это был великий день!

Радио

В дни войны казалось, что нами управляет радио, ему был подчинен весь советский народ. Главное — услышать вести с фронта. Страшными были вести в 1941—1943 годах, когда наши войска отступали. У всех была мысль: дойдет немец до твоего города или села, или не дойдет. Происходило великое переселение людей: на восток шли эвакуированные, на запад — войска. Но радио не давало людям впасть в панику. Сводки Совинформбюро чередовались с обнадеживающими передачами об укреплении тыла и росте военной промышленности. В промежутках исполнялись красивые боевые песни. Песни фронтовых лет были очень патриотичными, их знали все: и стар, и млад.

Начиная с 1943 года, когда наши войска пошли в наступление, сводки информбюро читались с победоносным настроением, сообщения звучали радостно. Радио не скрывало потери и трудности на фронте, и то, что не договаривали, люди понимали и так. В каждом доме на стене висела карта, и по ней передвигали флажки линии фронта. По радио читали письма на фронт и письма с фронта, исполнялись песни по заявкам бойцов с передовой. Может быть не все совпадало с правдой жизни, но настроение у людей поднималось.

Большое внимание радио уделяло музыке и детским передачам. После утренней сводки Совинформбюро передавали утреннюю гимнастику. В половине девятого звучал горн «Пионерской зорьки» и рассказывали о том, как пионеры и школьники учатся и помогают взрослым ковать Победу. С 11 часов утра шли детские передачи для малышей и детей постарше, сказки и познавательные передачи. В 14 часов — концерт классической музыки «Концерт-загадка». Эта передача для нашей семьи была своего рода университетом. После деловых передач вечером, в 22 часа, передавали оперы и оперетты в исполнении лучших артистов того времени.

Радио для советского народа было все — и праздник, и музыка, и информация по стране, и вести с фронта. В каждом доме висел радиоприемник в виде черного диска и назывался «Зорька». Хорошо, что в музеях сохранился этот динамик.

Красота нужна всем

В тяжелые времена, полные опасностей и лишений, человечество особо остро ощущает нехватку красоты. Часто в самые трудные годы рождаются гениальные произведения искусства. Не случайно в годы Великой Отечественной создавались талантливые и любимые народом песни, кинофильмы про войну и про любовь. Они вошли позже в золотой фонд киноискусства. Кинофильмы выпускались редко, и каждый новый шел в кинотеатре в течение месяца. Весь Камышин успевал его посмотреть, сеансы начинались с утра и кончались поздно ночью. Из кинозала зрители выходили счастливыми, не терпелось на следующий день пересказать содержание своим друзьям. Фильмы обсуждались, и народ начинал петь песни из них.

В нашем городском зимнем кинотеатре было хорошее фойе. Во время ожидания сеанса играла музыка, можно было потанцевать. Летний кинотеатр был на бульваре, там перед сеансом чинно прохаживались по аллеям парочки влюбленных и стайки девчонок. Пожилые люди сидели на лавочках и рассматривали молодежь, или, облокотясь на деревянные перила, смотрели вниз — на Волгу, где проплывали пароходы. С бульвара к Волге спускалась крутая деревянная лестница.

В большой мир нас ввели зарубежные трофейные фильмы. Красота, роскошь, музыка европейская и индийская — все было так необычно. Цветные фильмы «Индийская гробница» и «Тарзан», увиденные впервые в послевоенные годы, изумили всех.

Особое место в городе занимал драмтеатр, который располагался на Республиканской улице. В него шли с особым чувством, празднично и торжественно. В театре был красивый зал ожидания. В центре зала стояла большая пальма, вокруг нее и вдоль стен — стулья. На окнах —

белые шелковые занавеси. Такого богатства в городе больше нигде не было.

В войну театр не отапливался, зрители сидели в пальто и валенках. Артисты играли классику. В этих пьесах барышни были одеты в воздушные платья. Им было очень холодно, и мы их жалели. Платья барышень были сшиты из марли, юбки отделаны полосками синими, желтыми, белыми. Костюмов дорогих не было. Артистам теплее было работать в спектаклях на военные темы, на них тогда была военная форма. Антракты длились долго. На сцене меняли декорации, рабочие стучали молотками, артисты грелись. Спектакли мы смотрели с большим интересом, играли талантливые актеры Кочин, Гуро, Кочина, Егоров, Кузнецова и другие. Зрительный зал от всей души хлопал в ладоши, выражая восторг.

Запомнился такой случай. Впереди нас на одном из спектаклей сидела женщина с ребенком, который устал. Мать его уговаривала: «Давай досмотрим пьесу, а дома у нас есть щи в печке!» Я тоже думала об этом, наверное, и другие зрители были голодными, но не жалели денег на театр.

Во время войны в Камышин эвакуировались многие областные учреждения. На культурную жизнь города оказали большое влияние три из них: краеведческий музей, педагогический институт и театр музыкальной комедии. Молодежь после десятилетки пошла учиться в институт, в том числе и моя сестра Инна с подругами. Два года пединститут работал в Камышине.

Дети и взрослые нашли привлекательность в музее. Он занимал двухэтажное здание на ул. Республиканской (теперь там психбольница). В музее проводились бесплатные кинолектории, а диковинные экспонаты рассказывали о родном крае. Многие школьники дополнили экспозиции своими находками, особенно отпечатками листьев с гор Уши, окаменелостями из оврагов.

А самое потрясающее впечатление произвел театр музыкальной комедии. Камышане впервые встретились с богатым волшебным миром музыки, балета, роскошным реквизитом, настоящими костюмами баронов, князей, светских дам, которые

хранились в театре еще с дореволюционных времен. Театр музкомедии взволновал сердца камышан. Идет война, а мы, счастливые от музыки Кальмана и Штрауса! Старожилы города до сих пор вспоминают с теплым чувством то время и театр. Мы, дети, бегали смотреть, как живут артисты, как одеваются и разговаривают. Для нас это было так важно и интересно.

Городской парк

Городской парк являлся гордостью Камышина, считался лучшим в Поволжье. Он имел классическую планировку и разнообразную флору, настоящий дендрарий. В довоенном парке днем по кустам шныряли ребяташки — играли в прятки. Парк густой, можно потеряться в кустах сирени и акаций. В нем была и оранжерея, нас туда водили на экскурсии. Парк берегли. Сторожа следили за сохранностью деревьев. А вечерами проходило народное гулянье. Вокруг фонтана шли навстречу друг другу два ряда гуляющих по принципу: себя показать и на других посмотреть.

В парке размещались деревянные павильоны — театра, ресторана с духовым оркестром, библиотеки, в которой работал клуб шахматистов. В тени деревьев стояли столы и лавки. Шахматисты города соревновались с чемпионом В. П. Александровым. Играть с ним было большой честью. Играли взрослые, иногда допускались школьники Владик Маренков, Юра Кузнецов и другие.

На деревянную раковину эстрады вешали экран, привозили движок и показывали фильмы. Пацаны сидели на эстраде позади экрана. При перезарядке частей шалили и шумели.

Летняя танцплощадка в парке была местом встреч друзей, одноклассников и однокурсников. Музыка захватывала дух, звучали вальсы, танго, блюз, краковяк, фокстрот, полька, падеграс и другие мелодии. Танцплощадка объединяла нас всех, приводила к какому-то единению душ. Через десятки лет старые камышане, встречаясь, обязательно вспоминают танцплощадку.

Городской парк для каждого — своя страница жизни, счастливая или трагическая. Всем известно, что в парке дали клятву около двух тысяч добровольцев. Они из него отправились на фронт защищать Родину. Теперь он носит имя комсомольцев-добровольцев. В память о погибших на войне юношах и девушках сооружен в его центре памятник.

Детвора зимой

Летом детвора проводила время на Камышинке и Волге. Зимой замечательным делом было катание с горок.

Зимы в сороковых годах были лютые, оттепели были редкими. Сугробы снега шапками покрывали крыши домов. На окраинных улицах по утрам хозяева прочищали узенькие дорожки. Сугробы во дворах берегли, а в марте снегом набивали погреба, устилали сверху травой или сеном. Холод сохранялся до середины лета. Некоторые хозяйства закладывали в погреба—ледники лед. Лед вырезали на Волге кусками и возили на подводах. Таким холодом пользовались больница, маслозавод, рыбный пункт и другие производства. Летом соленый лед кусками клали на телегу, окутывая им бидоны с мороженым и везли в город для продажи мороженого. Лед таял, и текла с телеги водичка. А за телегой бежали толпы мальчишек и просили у возчика ледку. Так как мороженое нам покупали 1—2 раза за лето, то соленый ледок тоже годился пососать в жаркое лето. Возчики ругались и грозили ударить кнутом, пацаны разбегались. А подбрее возчик сбрасывал кусочек льда, «угощал».

В городе все продольные улицы имели большой наклон. Для ребят одно удовольствие прокатиться. Санок ни у кого не было. Делали ледянки: ящичек или доску обливали водой в перемежку с коровьим навозом, чтобы лед не откалывался, и на ледянках катались с горок. Это было хлопотно и не очень интересно. Сконструировали «тачанки». «Тачанка» имела рулевой ведущий конек, а сзади на поперечной доске два конька. Ведущий паренек постарше и посильней ложился на живот, руль-палка в руках. На него садятся, ложатся еще 5—6 человек ребятни помельче. И «тачанка» понеслась!

Съезжали от улицы 3-й Степной (теперь ул. Базарова) и, набирая скорость, с гиканием и криками «Берегись!», со свистом гнали вниз по улице. В темноте искры летели из-под коньков. Пешеходы озирались, чтобы не попасть под «тачанку». Катались по всем улицам, но наиболее увлекательным было по улице Зеленой. Здесь были две горы: Бахаревская — от ул. Мулина (1-я Степная) и вторая у Толстовской школы. Эти горки впоследствии немного срезали бульдозером. Катание проводилось после школы в сумерках, т. к. опасались транспорта. Вечером подводы и машины почти не ездили. Девчонки с завистью смотрели на мальчишек. У нас не было ни санок, ни коньков, ни лыж. А «тачанка» — дело «мужское», на нее девочек редко брали. На здоровом морозном воздухе детей охватывало чувство бытия, радостно блестели глаза, вся жизнь была впереди!

Детский парк

Детский парк, в простонародье назывался детский садик, в прошлом являлся палисадником собора Вознесения. Собор был красивым, с большим звучным колоколом. Моя мама еще школьницей сажала около него деревца. Деревца на песке плохо приживались, их поливали водой из бочек, подвозимых на телегах. Собор сломали в 1936 году. От вершины колокольни был сделан деревянный желоб, по нему спускали кирпичи. Их отвозили на телегах в проезд между баней и банком. Подводы шли вереницей. Говорят, из этих кирпичей позже построили школу и ясли.

Соборный палисадник был огромный, от улицы Пролетарской до школы на улице Советской, проезда по улице Красной не было. Проезд сделали в пятидесятых годах, вырубив часть деревьев. Прямые аллеи парка были обрамлены желтой акацией, сам парк не просматривался из-за густоты насаждений. Клумбы цветов тянулись почти по всей длине главной аллеи. Там, где сейчас здание бывшей столовой, была игровая площадка. На сцене—раковине выступали ребяташки, заезжие артисты и цирк. Привлекала нарядная карусель, украшенная картинками, вышитыми бисером. Мальчишки за

пять копеек нанимались крутить вручную колесо карусели, потом их катали бесплатно. Комната смеха с кривыми зеркалами была для нас удивительной. Там, где сейчас «Дружба», стоял деревянный павильон библиотеки, при ней — детская летняя площадка. Мы с сестрой ее посещали. С нами играли, занимались, было интересно.

Во время войны в парке вырыли траншеи и окопы. Дети приходили сюда, чтобы найти что-нибудь съестное. Мы ели бобы желтой акции, они были сладкими. А белая акация считалась дефицитом, кисточки цветов росли высоко. К ним добирались только мальчишки.

Позже детский парк застроили, он потерял свою планировку и стал просто сквером.

Чтение

На улице Октябрьской была городская детская библиотека. Дети читали книги, особенно всех увлекала фантастика Жюль Верна. Я не любила эту библиотеку, т. к. там работала суровая тетя и книги выдавала только на десять дней. Я любила читать медленно, вживаясь в повествование. Моим источником чтения по счастливой случайности была библиотека при горкоме партии. Мама Людмила Ивановна Манышева входила состав горкома, образовавшегося в 1943 году. Вместе с библиотекарем Еленой Александровной Осыко они организовали парткабинет и библиотеку. Начинали буквально со стула и стола. Вся жизнь этого отдела была у меня на глазах, я ежедневно ходила к маме на работу помогать. В библиотеку стала поступать литература военных лет — книги писателей Парфенова, Вершигора, Ванды Василевской, Бориса Горбатова и других. В городе мы были первыми читателями военных романов и повестей. Потом появилась классика, редкие книги — «Божественная комедия» Данте, «Порт Артур» Степанова, «Граф Монте Кристо», «Сага о Форсайтах» и другие. Вот это было чтение!

До войны любимыми детскими газетами были областная «Дети Октября» и всесоюзная «Пионерская правда», журналы «Мурзилка», «Пионер» и «Юность». В «Пионерской

правде» печаталась повесть Аркадия Гайдара «Тимур и его команда», которая потрясла взрослых и детей. Повесть эта имела огромное воспитательное значение. По всей стране создавались тимуровские команды, они помогали больным и слабым, семьям военных. Помощь проводилась в игровой форме, дети с удовольствием участвовали в этом движении.

Площадь Павших борцов

До тридцатых годов здесь был городской базар. По четной стороне улицы Октябрьской были кустарная пекарня и ларьки, магазинчики, макаронные и кондитерские цеха. Посреди площади у дороги стояла водоразборная будка.

Площадь украшал бывший Народный дом, а во время войны здесь была МТМ, где чинили технику. Площадь — низменное болотистое место, многие месяцы на ней стояли лужицы и была грязь, люди ходили по тропинкам. Летом грязь высыхала, образуя круглые гладкие чешуйки, по которым мы любили ходить босиком. На праздники вокруг деревянной трибуны собирались нарядные колонны школьников и рабочих всех предприятий города. Демонстрации проходили торжественно.

Приблизительно на месте домов № 1 и № 3 стояла кузня, как ее называли в народе. Это были мастерские промкооперации — низкие строения, темные и грязные, работавшие с жестью. Мастерские окружал плотный деревянный забор, выбеленный снаружи, а вокруг него на земле валялось много обрезков металла. В кузне делали самоварные трубы, жечь для печей голландок, печки-таганки, коптилки и другой скарб для населения. В Отечественную войну в ней выполняли военные заказы.

В конце 1945 года из школ и яслей по ул. Советской вывели госпитали для советских раненых и в этих зданиях разместились госпитали для немецких военнопленных. Охраняла их воинская часть. От стадиона до улицы Зеленой площадь была опутана колючей проволокой в виде колец в два ряда и в два слоя. Когда воинская часть ушла, стали приводить площадь в порядок, убрали ограждения и кузню.

Улица Октябрьская

Улица Октябрьская, в прошлом Большая Саратовская и проспект Александра III, начинается от Волги и заканчивается у улицы Гагарина (в прошлом улица Проломная). Вернее, Октябрьская переходит в Большую Кузнечную, которая была трактом выезда из Камышина на Саратов.

Для нас эта улица интересна тем, что она была связана с нашей повседневной жизнью. Последний двухэтажный угловой дом занимал валяльный цех, а мы все тогда зимой ходили в валенках. Во время войны валяльщики одевали в валенки бойцов, уходивших на фронт. Мастера Голубев и Бейников рассказывали, что получили благодарственное письмо от И. В. Сталина за свой самоотверженный труд.

Там, где сейчас здание музыкального училища и до ул. Пролетарской было расположение воинских частей. На углу улиц Октябрьской и Пролетарской Альтуховский магазин — вроде универмага. Магазин никто не проходил мимо, в него заходили чаще, чем в другие. Когда дом разрушился из-за подземных вод, всем камышанам стало его жаль.

Где сейчас стоит 13-этажный дом, была столовая. Дальше — второй дом купца Алтухова, в нем был дом Красной Армии. В войну и несколько лет после нее здесь был клуб офицеров. Вечерами у подъезда собирались девушки, офицеры, были танцы.

На углу улиц Пушкинской и Октябрьской стоял огромный щит — реклама, написанная большими буквами, чтобы видно было за квартал, какой фильм идет в кинотеатре «Молодой ленинец».

Почта и телеграф находились в доме между улицами Пушкинской и Спартаковской. Это тоже было любимое место камышан. Напротив (теперь пустырь) стояли низенькие дома, ушедшие в землю. В них размещались магазинчик и городская фотография, которая работала непрерывно, все камышане побывали здесь, снимались в одиночку и группами. В каждом доме Камышина есть фотографии тех лет.

Рядом с фотографией находился каменный дом, в нем книжный магазин. В магазине было все: от перышка № 58 и

деревянных ручек до научной литературы. Туда заходили почему-то на цыпочках, тихо. Любовались книжками, а покупали учебники, тетрадки, карандаши.

Между ул. Спартаковской и Калининской — аптека № 1. Около нее выложен был тротуар плитами. Девчонки прыгали на нем в «классики». В аптеку заходили тоже на цыпочках. Лекарства покупали вежливо, серьезно. В аптеке висели старинные круглые часы. Зимой гуляющая публика заходила в аптеку погреться и посмотреть на часы.

Вся молодежь зимой гуляла по ул. Октябрьской от Пролетарской до аптеки, там, где улица была освещена. Дальше аптеки не ходили, было темно. На Новый год ставили городскую елку на перекрестке с ул. Пушкинской. Летом гуляли до Волги. Набережная имела навесной на сваях тротуар, напротив милиции «висячий» ларек-павильон, там продавали ситро и мороженое. В основном летнее гуляние перемещалось на бульвар и в парк, улица Советская становилась многолюдной.

Наша молодость проходила в сороковые и пятидесятые годы, поэтому для нас эти места до сих пор дороги.

Лестниц вниз к Волге было три — у бульвара, от ул. Октябрьской и Гоголевской. Обрыв к Волге был высокий и крутой. Лестницы деревянные, с двумя и тремя пролетами. Под бульваром, выложенный булыжником, извоз. Со строительством канала Волго–Дон набережная изменила свой вид.

В Великую Отечественную войну Волга была большим подспорьем для эвакуации населения и переброски войск и раненых. Маленький местный речной флот героически выполнял свои обязанности, под бомбежками перевозил грузы и людей. В помощь местному флоту были приданы военные суда. В городе много было матросов.

В знак героических дней и в память о подвигах речников установлена мемориальная доска на Набережной улице.

Волга

По синей глади водной
Камышинки и Волги
гуляют теплоходы —
прекрасные суда!

О берег бьются волны,
летают с криком чайки,
на гребнях блики солнца,
крутые облака.

Привольный теплый ветер
тревожит сердце, душу.
По голубым просторам
нам хочется лететь.

Лететь на север к звездам,
на юг лететь на Солнце,
и ввысь лететь на месяц,
и громче чаек петь.

Уходят теплоходы
в загибы за Ураки,
где в сказках скифы разные
в пещерах там живут.

Уходят баржи к югу,
за Шишку и овраги,
где ветры старой Волги
со стоном косы рвут.

О, как чудесна Волга
в любое время года!
То гладь воды, и эхо
прокатывается вдаль.

То зимние сугробы
и белое безмолвье.
Метель гуляет вольная,
особенно в февраль.

Душевные секреты
и тайные желания
веками копит матушка
в своей пучине вод.

Дарит нам радость жизни
родная наша Волга.
На «тыщу» километров
одна для всех течет.

Л. Кузнецова.

Год, в который выходит эта книга, для меня знаменательный — юбилейный. Мне исполняется 75 лет.

Благодарю всех, кто поддерживал и помогал мне сохранять творческое долголетие. Это мои друзья, близкие и сын Сергей Анатольевич.

Н. Романенко.

СОДЕРЖАНИЕ

Как рождалась эта книга	2
Была война.....	5
Комсомольская юность моя.....	25
Мы тоже ковали Победу	32
Шла «война народная».....	37
В войну дети быстро взрослеют	45
Детство, опаленное битвой за Сталинград	52
Дорогами войны	68
Рожденная под бомбежками	72
Не забыть никогда.....	73
Эхо войны	76
Трудный путь домой	79
Испытание не по возрасту	81
Свет родимых окон	84
Камышин прифронтной	91
Бомбили нас пунктуально, по часам.....	95
В начале войны	98
Детство в прифронтовом Камышине	104

Мы родом из детства, военного детства... *Воспоминания очевидцев*

**Автор идеи, составитель и редактор сборника —
Н. Ф. РОМАНЕНКО.**

**Технический редактор и корректор
В. Ф. АКСЕНОВ.**

Сдано в набор 17.06.2003 г. Подписано в печать 23.06.2003 г.
Формат бумаги 60x84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура «Arial».
Печать офсетная. Печатный лист 8,5. Тираж 200. Заказ 1946.

© Камышинская типография.
Лицензия ИД № 05440 от 20 июля 2001 года.

